

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

АРХИВАРИУСЫ
ПУСТОТЫ

Эдуард Сероусов
Архивариусы пустоты

«Автор»

2025

Сероусов Э.

Архивариусы пустоты / Э. Сероусов — «Автор», 2025

В межгалактической пустоте парят огромные архивы — хранилища всего знания человечества. Элиас Мнемоник, архивариус с четырёхтысячелетним стажем, пробуждается от сигнала тревоги: кто-то методично уничтожает архивы, стирая определённые знания из памяти цивилизации. Расследование приводит его к потрясающему открытию: информация, которую пытаются стереть, способна как спасти вселенную, так и уничтожить её. Элиас оказывается перед невозможным выбором между своим долгом сохранять все знания без исключения и моральной ответственностью за их потенциальные последствия. Удастся ли ему найти третий путь между абсолютной памятью и благотворным забвением?

© Сероусов Э., 2025

© Автор, 2025

Эдуард Сероусов

Архивариусы пустоты

ЧАСТЬ I: ХРАНИТЕЛЬ ИСТОРИЙ

Глава 1: Страж пустоты

Тишина. Абсолютная и всеобъемлющая. Тишина межгалактической пустоты, где звёзды – лишь далёкие огоньки на чёрном полотне бесконечности. Здесь, в пространстве между Андромедой и Млечным Путём, на равном удалении от гравитационных колодцев обеих галактик, парила станция MNEMOSYNE-9. Её геометрически совершенная структура из сверхплотных квантовых кристаллов переливалась едва заметным синеватым светом, отражая излучение далёких звёзд и галактик.

Внутри станции, в центральной капсуле гибернации, сознание Элиаса Мнемоника медленно всплывало из глубин искусственного сна. Четыре тысячи семьсот восемьдесят два года жизни научили его просыпаться постепенно, позволяя разуму вернуться в реальность прежде тела. Сначала приходило ощущение времени – чувство, что прошли века, хотя для него субъективно минуло лишь мгновение. Затем возвращалось ощущение собственного тела – лёгкая тяжесть в конечностях, ритмичное биение сердца, прохладный воздух на коже.

Элиас не открывал глаз. Ещё нет. Пробуждение было ритуалом, отточенным тысячелетиями. Он прислушивался к звукам станции – тихому гудению систем жизнеобеспечения, едва уловимому потрескиванию квантовых полей, защищающих архив от космической радиации. Всё было как обычно, знакомо до последней ноты.

И всё же что-то было не так.

Элиас открыл глаза. Радужная оболочка с необычными шестиугольными зрачками – результат генетических модификаций для чтения квантовых носителей – медленно сфокусировалась на потолке капсулы. Мягкое голубоватое свечение освещало помещение, создавая иллюзию рассвета, хотя истинный рассвет Элиас не видел уже много веков.

– Диагностика, – произнёс он тихо. Голос, не использовавшийся столетиями, звучал хрипло.

Невидимые системы станции отозвались мгновенно. Голографические проекции развернулись вокруг капсулы, отображая состояние архива MNEMOSYNE-9, параметры внутренних систем, статус квантовых хранилищ данных. Всё функционировало в пределах нормы.

Однако график гибернации показывал аномалию. Элиас был разбужен на 218 лет раньше запланированного срока.

– Причина внепланового пробуждения, – потребовал он, садясь в капсулу.

Перед ним возникло голографическое окно с пульсирующим красным символом. Сигнал тревоги от другого архива. CLIO-3, специализирующийся на ранней истории человечества, перестал отвечать на стандартные запросы системы 47 часов назад.

Элиас нахмурился. Архивы не замолкали просто так. Они были созданы, чтобы пережить всё, кроме конца вселенной. Автономные, самовосстанавливающиеся, с многоуровневыми системами резервирования и защиты. Ни технический сбой, ни природная катастрофа не могли привести к полному прекращению связи.

Он осторожно поднялся, позволяя телу вспомнить, что такое движение. Несмотря на миллиарды нанороботов, циркулирующих в его крови и предотвращающих атрофию мышц во время гибернации, первые шаги всегда давались с трудом. Тело казалось чужим, будто костюм, который нужно заново научиться носить.

– Полная активация систем, – скомандовал Элиас. – Подготовить модуль психоинтеграции.

Станция отозвалась серией мелодичных сигналов. Стены личного модуля Элиаса, ранее имитировавшие гладкий мрамор, становились прозрачными, открывая вид на основную структуру архива – колоссальное хранилище знаний, уходящее ввысь и вглубь на многие километры. Ряды квантовых кристаллов, мерцающие слабым внутренним светом, содержали в себе эксабайты информации – исторические хроники, научные данные, культурные артефакты, сохранённые в цифровой форме воспоминания давно умерших цивилизаций.

Элиас глубоко вдохнул, позволяя себе момент благоговения перед величием архива. Даже спустя тысячелетия службы вид этого колоссального хранилища знаний наполнял его трепетом. MNEMOSYNE-9 была одним из сорока шести межгалактических архивов, созданных для сохранения всей суммы знаний разумных существ. Вместе они составляли величайший проект в истории известной вселенной – попытку гарантировать, что ни одна крупная информация не будет потеряна, что память о каждой цивилизации, каждой культуре будет жить вечно.

А теперь один из этих архивов молчал.

Элиас направился к центру своего модуля, где из пола поднималась платформа психоинтеграции – устройство, позволяющее архивариусу напрямую подключаться к системам архива, сливаясь с его квантовыми структурами. Платформа представляла собой ложе из материала, напоминающего жидкий металл, окружённое невесомыми голографическими интерфейсами.

Прежде чем лечь на платформу, Элиас подошёл к стене, которая по его беззвучной команде стала зеркальной. Из отражения на него смотрел высокий худощавый мужчина с бледной, почти прозрачной кожей, не видевшей настоящего солнечного света столетиями. Тёмные волосы с серебристыми прядями спадали до плеч. Глаза с шестиугольными зрачками смотрели устало и напряжённо. Физически он выглядел на сорок лет – возраст, на котором его тело было зафиксировано генетическими модификациями тысячелетия назад.

Элиас коснулся своего лица, словно проверяя, реально ли оно. Иногда, после особенно долгих периодов гибернации, он испытывал странное чувство отчуждённости от собственного тела, будто его истинная сущность была где-то в другом месте – растворена в квантовых структурах архива, среди эксабайтов сохранённых знаний и воспоминаний.

– Кодекс архивариуса, статья первая, – произнёс он тихо, выполняя ритуал, предшествующий каждой психоинтеграции.

Собственный голос ответил ему, отражённый от стен модуля:

– Знание священо. Память вечна. Архивариус хранит, но не судит. Вся информация равноценна, всё должно быть сохранено.

Эти слова, произнесённые им бесчисленное количество раз за тысячелетия службы, обычно успокаивали. Но сегодня они почему-то вызвали лёгкое беспокойство, словно тень сомнения коснулась его разума.

Отбросив странное чувство, Элиас лёг на платформу психоинтеграции. Жидкий металл мгновенно адаптировался к форме его тела, создавая идеальную поддержку. Над его головой возникла голографическая проекция архива CLIO-3 – изящная спиральная структура, парящая в пустоте между рукавами Млечного Пути, в двадцати световых годах от древней колыбели человечества – Солнечной системы.

– Иницирую психоинтеграцию, – произнёс Элиас. – Полный доступ к системам архива MNEMOSYNE-9. Приоритетный запрос: статус архива CLIO-3, последние коммуникации, аномальные события.

Поверхность платформы под ним начала светиться мягким голубым светом. Тонкие нити квантовых связей протянулись от платформы к вискам Элиаса, безболезненно проникая сквозь кожу, соединяя его нейронные паттерны с квантовыми структурами архива.

Мир вокруг растворился. Физическое тело перестало существовать для сознания Элиаса. Он стал архивом – необъятной квантовой сетью данных, простирающейся на километры

во всех направлениях. Он ощущал каждый кристалл памяти, каждый квантовый бит информации как часть себя. Пятьдесят тысяч лет человеческой и нечеловеческой истории, триллионы документов, записей, воспоминаний, научных данных – всё это было сейчас частью его расширенного сознания.

Элиас сосредоточился на последних коммуникациях с СЛЮ-3. Поток данных хлынул в его сознание – рутинные обмены информацией, автоматические синхронизации, стандартные проверки целостности данных. Всё было нормально до 47 часов назад, когда связь внезапно прервалась. Последнее сообщение от СЛЮ-3 было стандартным подтверждением получения пакета данных. Ничего необычного.

Элиас расширил поиск, проверяя коммуникации с другими архивами. Всё функционировало нормально. Только СЛЮ-3 молчал.

Затем он обратился к системам дальнего наблюдения. MNEMOSYNE-9, как и все архивы, имела сеть квантово-связанных сенсоров, расположенных в ключевых точках галактики. Элиас нашёл данные с сенсора, ближайшего к СЛЮ-3, и то, что он увидел, заставило его цифровое сознание содрогнуться.

Архив СЛЮ-3 был повреждён. Спиральная структура станции, ранее идеально симметричная, теперь имела явные следы разрушения в верхней части. Как будто гигантская рука вырвала кусок из живой плоти архива.

Элиас немедленно активировал все доступные сенсоры, направляя их на повреждённый архив. Данные стекались в его расширенное сознание, складываясь в пугающую картину. Повреждения не были результатом естественного явления – астероида или космического излучения. Они были слишком избирательными, слишком точными. Определённые секции архива были разрушены, в то время как соседние остались нетронутыми.

Это было преднамеренное уничтожение.

Шок от этого открытия был так силён, что едва не разорвал психоинтеграцию. Элиас почувствовал, как его сознание начинает отделяться от квантовой структуры архива, возвращаясь в физическое тело. Он сконцентрировался, стабилизируя связь.

Кто мог сделать это? Кто посмел атаковать архив – хранилище знаний всех разумных существ, объект, защищённый древнейшими соглашениями, священный для всех цивилизаций?

Вопросы роились в его расширенном сознании, не находя ответов. За всю историю архивов ничего подобного не происходило. Даже во времена Последней Войны Данных, когда несколько цивилизаций боролись за контроль над информацией, сами архивы оставались неприкосновенными.

Элиас запустил глубокий анализ повреждённых секций СЛЮ-3, пытаясь определить, какая именно информация была уничтожена. Результаты анализа заставили его цифровое сознание похолодеть от ужаса. Уничтоженные секции содержали данные об одном конкретном периоде человеческой истории – Исходе Земли, времени, когда последние представители человечества покинули колыбель своей цивилизации.

Почему именно эта информация? Что в ней было такого, что кто-то решился на невозможное – атаковать архив?

Внезапно внимание Элиаса привлекла аномалия в данных. Среди последних запросов к архиву СЛЮ-3 был нестандартный – запрос высокого уровня доступа к секциям, связанным с Исходом Земли. Запрос был подписан кодами доступа, которые Элиас не смог идентифицировать. Они были архивариусскими по структуре, но не принадлежали ни одному из известных ему архивариусов.

Это открытие вызвало новую волну тревоги. Коды доступа архивариусов были священны и неприкосновенны. Их невозможно было подделать или украсть. Каждый код был уникален, квантово привязан к нейронным паттернам конкретного архивариуса и менялся каждое столетие.

Элиас расширил поиск, проверяя все архивы на наличие подобных аномальных запросов. И нашёл их – такие же запросы были направлены к архивам URANIA-5 и THALIA-7 в течение последних трёх стандартных лет. Оба архива пока функционировали нормально, но сам факт существования таких запросов был тревожным знаком.

Пора было завершать психоинтеграцию. Элиас начал постепенный процесс отделения своего сознания от квантовой структуры архива, возвращаясь в физическое тело. Это всегда было неприятно – будто пытаешься втиснуть космос в скорлупу грецкого ореха. Расширенное сознание сопротивлялось, цепляясь за необъятность архива, но многовековой опыт позволял Элиасу управлять процессом.

Когда он открыл глаза, возвращаясь в реальность своего модуля, первой мыслью было: *я должен увидеть это своими глазами*. Визуальные данные сенсоров и квантовые сигнатуры могли многое рассказать, но ничто не заменит прямого наблюдения архивариуса на месте.

Элиас поднялся с платформы психоинтеграции. Тело казалось тяжёлым и неуклюжим после свободы цифрового существования. Он подошёл к центральной консоли своего модуля.

– Подготовить корабль к вылету, – произнёс он. – Пункт назначения: архив CLIO-3.

Системы станции отозвались подтверждающим сигналом. У каждого архивариуса был личный межзвёздный корабль – небольшой, но невероятно мощный, способный путешествовать через искусственно созданные кротовые норы. Корабль Элиаса не использовался уже почти пятьсот лет, с тех пор как он вернулся с последней внешней миссии и погрузился в длительную гибернацию.

– Перед отбытием необходимо выполнить Рекурсию Памяти, – напомнила ему система станции. – Последняя Рекурсия была проведена 218 лет назад.

Элиас кивнул. Рекурсия Памяти – важнейший ритуал архивариусов, обновление собственных воспоминаний в архиве перед каждым значительным путешествием. Страховка на случай, если с архивариусом что-то случится – его память, его сущность останется сохранённой.

Он вернулся к платформе психоинтеграции и лёг. На этот раз процесс был другим. Вместо расширения сознания для доступа к архиву происходило сканирование нейронных паттернов Элиаса, сохранение его воспоминаний, мыслей, чувств в квантовых структурах MNEMOSYNE-9.

Во время Рекурсии Элиас всегда испытывал странное чувство раздвоения – будто смотрел на себя со стороны, наблюдая за собственными воспоминаниями, проплывающими перед внутренним взором. Он видел свою жизнь – невероятно долгую даже по меркам модифицированных людей будущего. Видел тысячелетия службы, долгие периоды гибернации, редкие взаимодействия с другими разумными существами.

И он видел одиночество – бесконечное, всепоглощающее одиночество бессмертного стража знаний, пережившего всех, кого когда-либо знал. Одиночество, ставшее такой же частью его сущности, как дыхание или сердцебиение.

Процесс Рекурсии подходил к концу, когда в потоке воспоминаний всплыл образ, от которого сердце Элиаса сжалось. Молодой человек с живыми зелёными глазами и открытой улыбкой. Мориан. Его друг, его брат по духу, единственный, кто по-настоящему понимал его. Мориан Обливион, пропавший две тысячи лет назад во время исследования дальних секторов галактики.

Воспоминание было таким ярким, таким болезненно реальным, что Элиас почти физически ощутил присутствие друга. Они вместе проходили обучение, вместе принимали присягу архивариусов, вместе работали над созданием первых квантовых хранилищ. А потом Мориан исчез – просто не вернулся из экспедиции. Поиски не дали результатов. Со временем Элиас смирился с потерей, хотя рана так и не зажила полностью.

Рекурсия завершилась, и Элиас открыл глаза. Тяжесть воспоминаний о Мориане неожиданно соединилась с тревогой о повреждённом архиве, создавая странное предчувствие. Будто эти события были как-то связаны, хотя рациональная часть разума говорила, что это невозможно.

Отбросив иррациональные мысли, Элиас поднялся и направился к выходу из своего модуля. Стены раздвинулись перед ним, открывая проход к внутренним структурам архива.

MNEMOSYNE-9 была не просто хранилищем данных, но произведением искусства. Внутреннее пространство станции представляло собой серию концентрических сфер, соединённых спиральными переходами. Каждая сфера содержала определённый тип информации – исторические хроники, научные данные, культурные артефакты, персональные воспоминания. В центре находилось ядро архива – квантовый суперкомпьютер, координирующий все системы станции.

Элиас шёл по спиральному переходу, соединяющему его личный модуль с ангаром кораблей. Его шаги эхом отдавались в пустых коридорах. MNEMOSYNE-9, как и все архивы, была полностью автоматизирована. Кроме Элиаса, здесь не было ни одного живого существа – только системы искусственного интеллекта, обслуживающие архив.

В ангаре его ждал корабль – обтекаемая серебристая конструкция, больше похожая на живое существо, чем на машину. Корпус из метаматериала, способного менять форму в зависимости от потребностей, двигатели, искривляющие пространство-время для сверхсветовых перемещений, квантовый искусственный интеллект, синхронизированный с нейронными паттернами Элиаса.

– Приветствую, архивариус Элиас, – произнёс мелодичный голос корабля, когда Элиас приблизился. – Системы активированы и готовы к отбытию. Пункт назначения: архив СЛЮ-3.

– Спасибо, Номос, – ответил Элиас, называя корабль именем, данным тысячелетия назад. – Проложи оптимальный курс через кротовую нору. Максимальная скорость.

Корпус корабля раскрылся, образуя вход. Внутри была всего одна каюта – просторное помещение, адаптирующееся к потребностям пассажира. Сейчас оно приняло форму командного центра с креслом пилота в окружении голографических интерфейсов.

Элиас сел в кресло, которое мгновенно адаптировалось к его телу. Вокруг него развернулись проекции – трёхмерная карта маршрута, статус систем корабля, данные о пункте назначения. Корабль был полностью автономен и мог путешествовать без вмешательства пилота, но Элиас предпочитал контролировать процесс.

– Запрос на выход из доков MNEMOSYNE-9, – произнёс он.

Гигантские двери ангара начали медленно открываться, обнажая черноту космоса, усыпанную далёкими звёздами. Межгалактическая пустота – дом архивов, место, максимально удалённое от гравитационных влияний, идеальное для сохранения хрупких квантовых структур памяти.

– Выход разрешён, – отозвался голос станции. – Да хранит вас память, архивариус.

– Да хранит нас всех память, – ответил Элиас традиционным прощанием архивариусов.

Корабль плавно двинулся вперёд, выскальзывая из ангара в объятия космической пустоты. Системы гравитации поддерживали комфортные условия внутри, но Элиас всё равно ощутил момент перехода – будто пересёк невидимую границу между безопасностью архива и неизвестностью внешнего мира.

Когда корабль отделился от станции на достаточное расстояние, Номос активировал основные двигатели. Вокруг корабля начало формироваться искажение пространства-времени – первый этап создания искусственной кротовой норы.

– Формирование тоннеля через 30 секунд, – сообщил Номос. – Расчётное время прибытия к архиву СЛЮ-3: 7 часов 43 минуты по субъективному времени.

Элиас кивнул. Путешествие через кротовую нору было быстрым по космическим меркам, но всё равно оставляло достаточно времени для размышлений. Он откинулся в кресле, глядя на удаляющийся силуэт MNEMOSYNE-9 – его дома на протяжении тысячелетий.

Внезапно его охватило странное чувство – будто он видит архив в последний раз. Элиас не был склонен к предчувствиям или суевериям. Бессмертные архивариусы смотрели на мир через призму фактов и логики, не доверяя интуиции или эмоциям. И всё же он не мог отделаться от ощущения, что пересекает точку невозврата, что жизнь, которую он знал на протяжении тысячелетий, подходит к концу.

Пространство вокруг корабля исказилось, формируя воронку кротовой норы. Последний взгляд на MNEMOSYNE-9, и станция исчезла из виду, когда корабль нырнул в тоннель сквозь пространство-время.

Путешествие через кротовую нору было похоже на погружение в океан разноцветного света. Квантовые флуктуации создавали удивительные узоры на границах тоннеля – абстрактные формы, постоянно меняющиеся и перетекающие друг в друга. Когда-то давно, в первые годы службы, Элиас часами мог наблюдать за этим космическим калейдоскопом. Теперь он едва замечал его красоту, погружённый в тревожные мысли.

Что могло произойти с архивом CLIO-3? Кто обладал технологиями и дерзостью, чтобы атаковать хранилище знаний? И что было в секциях, посвящённых Исходу Земли, такого, что кто-то решил уничтожить эту информацию?

Исход Земли был одним из самых туманных периодов человеческой истории. Приблизительно 30 000 лет назад последние представители исходного человечества покинули Солнечную систему. К тому времени большая часть человеческого рода уже расселилась по сотням миров Млечного Пути, а многие подверглись генетическим модификациям, адаптируясь к различным условиям или просто совершенствуя свою природу.

Что именно заставило последних жителей Земли покинуть колыбель цивилизации, оставалось предметом дискуссий. Согласно наиболее распространённой версии, причиной стало глобальное изменение климата, сделавшее планету непригодной для жизни. Другие источники упоминали техногенную катастрофу или даже намеренное решение "выключить свет в старом доме", символически завершив земной период истории человечества.

Элиас никогда особенно не интересовался этим вопросом. MNEMOSYNE-9 специализировалась на философских и метафизических знаниях, а историей ранних периодов человечества занимались другие архивы, включая CLIO-3. Теперь он жалел об этом недостатке любопытства.

– Приближаемся к выходу из кротовой норы, – сообщил голос Номоса, прерывая размышления Элиаса. – Расчётное время прибытия: 4 минуты.

Элиас выпрямился в кресле, активируя все сенсорные системы корабля. Он хотел получить максимально полную картину состояния архива CLIO-3 сразу же после выхода из тоннеля.

Разноцветное свечение стен кротовой норы начало тускнеть, сменяясь чернотой открытого космоса. Корабль вынырнул из тоннеля в точке, удалённой от архива CLIO-3 на несколько световых минут – стандартная мера предосторожности при приближении к потенциально опасному объекту.

Голографические проекции вокруг Элиаса моментально обновились, показывая данные сканирования. То, что он увидел, заставило его сердце болезненно сжаться.

Архив CLIO-3, некогда прекрасная спиральная структура, теперь представлял собой руины. Верхняя треть станции была полностью разрушена, обнажая внутренние хранилища. Нижние секции казались относительно неповреждёнными, но даже отсюда были видны следы чудовищного воздействия – оплавленный метаматериал, искажённые квантовые структуры.

– Полное сканирование, – приказал Элиас, стараясь сохранять профессиональное спокойствие, хотя внутри у него всё дрожало от ужаса и гнева. – Следы энергетического оружия, радиационный фон, признаки жизни.

Номос выполнил команду, направляя все сенсоры на разрушенный архив. Результаты анализа появились на голографических экранах секундами позже.

– Нестандартное энергетическое воздействие, – сообщил Номос. – Сигнатура не соответствует известным типам оружия. Радиационный фон в пределах нормы. Обнаружены слабые признаки жизни в нижних секциях архива.

Последнее сообщение заставило Элиаса вздрогнуть. Признаки жизни? В архиве, как и в MNEMOSYNE-9, должен был находиться только один живой обитатель – архивариус. Если сенсоры обнаружили жизненные показатели, значит, архивариус CLIO-3 мог выжить!

– Сближение с объектом, – скомандовал Элиас. – Максимальная осторожность. Готовность к экстренному отступлению.

Корабль начал медленно приближаться к разрушенному архиву. По мере сближения Элиас мог рассмотреть всё больше деталей, и каждая из них усиливала его ужас и недоумение. Разрушения не были хаотичными. Определённые секции архива были уничтожены с хирургической точностью, в то время как соседние остались практически нетронутыми.

Кто бы ни напал на архив, он точно знал, что искал и где это находится.

Когда корабль приблизился на достаточное расстояние, Номос произвёл более детальное сканирование.

– Жизненные показатели крайне слабые, – сообщил искусственный интеллект. – Критически низкий уровень метаболической активности. По биометрическим параметрам соответствует архивариусу Септимусу Хроникл, хранителю CLIO-3.

– Приступай к стыковке, – приказал Элиас. – Ближайший неповреждённый док.

Корабль плавно маневрировал среди обломков, приближаясь к нижней части архива, где располагались стыковочные узлы. Один из них был функционален, и Номос аккуратно пристыковался к нему.

– Стыковка завершена, – сообщил корабль. – Герметизация соединения. Атмосфера внутри архива пригодна для дыхания, но содержит примеси продуктов разрушения. Рекомендуются использование респиратора.

Элиас кивнул и поднялся с кресла. У стены каюты открылась панель, за которой находилось снаряжение для внешних работ – лёгкий скафандр, оружие, инструменты. Элиас взял только респиратор и базовый набор медицинских инструментов – он надеялся, что архивариус Септимус ещё жив и нуждается в помощи.

– Поддерживай связь, – сказал он Номосу. – Полная боевая готовность. При любых признаках опасности – немедленное оповещение.

– Принято, архивариус, – отозвался искусственный интеллект. – Удачи.

Элиас улыбнулся. Номос не был полноценным искусственным сознанием – таких уже давно не создавали, после Великого Запрета на сильный ИИ. Но его личностные алгоритмы были достаточно сложны, чтобы имитировать заботу и беспокойство. За тысячелетия совместных путешествий Элиас привык воспринимать Номоса как живое существо, почти как друга.

Переходной шлюз открылся, соединяя корабль с внутренними помещениями архива. Элиас глубоко вдохнул и шагнул внутрь.

Первое, что он ощутил, – запах. Даже через фильтры респиратора пробивался острый аромат озона и палёного пластика. Коридор перед ним был тускло освещён аварийными светильниками. Системы архива работали на минимальной мощности, поддерживая базовые функции жизнеобеспечения.

Элиас двинулся вперёд, используя свои имплантированные сенсоры для навигации. Схема архива CLIO-3 была загружена в его нейронные цепи ещё на MNEMOSYNE-9, и он точно знал, где находится личный модуль архивариуса Септимуса.

Коридоры становились всё более повреждёнными по мере продвижения вглубь архива. На стенах виднелись странные следы – будто что-то выжгло материал, оставив глубокие борозды с оплавленными краями. Элиас провёл пальцем по одной из таких борозд. Материал архивов был одним из самых прочных в известной вселенной, способным выдерживать прямое попадание метеорита. Что могло оставить такие следы?

Внезапно его имплантированные сенсоры уловили всплеск биометрической активности впереди. Слабый, но стабильный сигнал жизни. Септимус был всё ещё жив.

Элиас ускорил шаг, почти переходя на бег. Коридор заканчивался круглой камерой – центральным узлом этого сектора архива. Двери были частично разрушены, застыв в полуоткрытом положении. Элиас протиснулся через узкий проём.

Внутри центрального узла царил хаос. Голографические проекции мерцали, показывая фрагменты повреждённых данных. В воздухе висела тонкая взвесь металлической пыли – остатки разрушенных квантовых кристаллов памяти. В центре помещения, на платформе психоинтеграции, лежала неподвижная фигура.

Септимус Хроникл, архивариус CLIO-3, был жив, но едва. Его тело, генетически модифицированное для бессмертия, боролось за каждую секунду существования. Глубокие ожоги покрывали левую сторону его лица и торса. Правая рука отсутствовала полностью, культя была грубо запечатана каким-то металлическим составом.

Элиас опустился на колени рядом с раненым архивариусом и активировал медицинские инструменты. Диагностический сканер показал то, что он уже подозревал, – повреждения были слишком серьёзными. Даже модифицированный организм архивариуса не мог восстановиться от такого урона.

– Септимус, – тихо позвал Элиас, снимая респиратор. Воздух был тяжёлым, но дышать можно. – Септимус, ты меня слышишь?

Веки раненого архивариуса дрогнули. Глаза с шестиугольными зрачками медленно открылись, фокусируясь на лице Элиаса.

– Мнемоник, – прошептал Септимус. Его голос был слабым, но в нём слышалось удивление. – Ты пришёл. Я... не ожидал...

– Конечно, я пришёл, – мягко ответил Элиас, проверяя жизненные показатели раненого. – Что произошло, Септимус? Кто напал на архив?

Лицо Септимуса исказилось от боли и, казалось, страха.

– Они пришли... так внезапно. Использовали коды доступа... архивариусские коды. Я думал... они были одними из нас.

Элиас нахмурился. Коды доступа – снова. Те же аномальные коды, которые он обнаружил в записях MNEMOSYNE-9.

– Кто они, Септимус? Что им было нужно?

Раненый архивариус попытался сесть, но сил не хватило. Элиас осторожно поддержал его.

– Они искали... информацию. Секретные секции... о Исходе. Я не знал... что такие существуют. Когда я отказался... они использовали странное оружие. Выжигатель... квантовый выжигатель.

Элиас похолодел. Квантовый выжигатель – оружие, способное стирать информацию непосредственно из квантовой структуры материи. Технология, считавшаяся теоретически возможной, но никогда не реализованная на практике. По крайней мере, так думали архивариусы.

– Что в этих секциях, Септимус? Что они искали?

Септимус закашлялся, и на его губах выступила тёмная жидкость – модифицированная кровь архивариуса.

– Не знаю... точно. Что-то... о проекте. Проект Лазарь... или... – он снова закашлялся, – ...Протокол Возрождения. Они говорили... некоторые истории должны... остаться непрочитанными.

Элиас никогда не слышал ни о Проекте Лазарь, ни о Протоколе Возрождения. Что это могло быть? Какая информация могла быть настолько важной или опасной, чтобы кто-то решился на уничтожение архива?

Септимус слабо потянулся к своей оставшейся руке. На запястье был закреплён небольшой кристалл памяти – персональное хранилище данных, которое каждый архивариус носил с собой.

– Возьми... – прошептал он. – Я успел... скопировать часть... перед тем, как они... всё уничтожили. Не знаю, что там... но они очень хотели это стереть.

Трясущимися пальцами Элиас отстегнул кристалл от запястья умирающего архивариуса.

– Я доставлю это в Совет, – пообещал он. – Мы найдём тех, кто сделал это.

Септимус слабо покачал головой.

– Осторожно... Элиас. Они... как мы. Используют наши методы... наши технологии. И они... верят, что поступают правильно.

Его голос становился всё слабее. Жизненные показатели на медицинском сканере падали.

– Некоторые истории... должны остаться... непрочитанными, – повторил он фразу, сказанную нападавшими. В его глазах отражалось сомнение, будто он и сам начал верить в эти слова.

Элиас сжал руку умирающего архивариуса.

– Все знания священны, Септимус. Все истории должны быть сохранены. Таков наш кодекс.

Септимус слабо улыбнулся.

– Возможно... не все, Элиас. Возможно... не все.

Это были его последние слова. Глаза архивариуса СЛЮ-3 закрылись, и он испустил последний вздох. Жизнь, длившаяся тысячелетия, оборвалась.

Элиас сидел неподвижно, держа руку мёртвого коллеги. Шок, горе и гнев переполняли его. За всю историю архивов ни один архивариус не погиб насильственной смертью. Они уходили по собственному выбору, когда считали свою миссию выполненной, или в редких случаях становились жертвами несчастных случаев. Но никогда – от рук убийц.

Минуты шли, а Элиас продолжал сидеть, глядя на мёртвое лицо Септимуса. В голове роились вопросы без ответов. Кто напал на архив? Почему их интересовала именно информация об Исходе Земли? Что такое Протокол Возрождения?

И главное – кто мог использовать коды доступа архивариусов?

Наконец Элиас осторожно опустил руку Септимуса и поднялся. Он должен был исследовать архив, найти улики, понять масштаб разрушений. Но сначала нужно было позаботиться о теле коллеги.

В традициях архивариусов не было сложных погребальных ритуалов. Тело умершего архивариуса обычно кремировали, а пепел размещали в специальной урне в центральном зале архива. Но сейчас Элиас не мог выполнить этот ритуал – разрушения были слишком серьёзными, и он не знал, функционируют ли кремационные системы архива.

Вместо этого он бережно перенёс тело Септимуса в небольшую боковую камеру, служившую местом для медитации. Здесь было тихо и спокойно. Элиас уложил тело на каменное ложе в центре камеры и накрыл его церемониальной мантией, найденной в шкафу у стены. Затем он произнёс древние слова прощания, которые архивариусы говорили при уходе коллеги:

– Твоя память сохранена в квантовых кристаллах. Твои знания стали частью вечности. Покойся в тишине пустоты, брат по служению.

Завершив скромную церемонию, Элиас вернулся в центральный узел. Теперь, когда первый шок прошёл, он мог более внимательно изучить повреждения архива.

Следы квантового выжигателя были повсюду. Это оружие не просто разрушало физические носители информации – оно стирало саму информацию из квантовой структуры пространства-времени. Данные, уничтоженные таким образом, не могли быть восстановлены никакими известными методами.

Элиас подошёл к главной консоли управления. Удивительно, но она была частично функциональна. Он ввёл свои коды доступа, и система отозвалась, хотя голографический интерфейс мерцал и временами искажался.

– Системный отчёт о повреждениях, – запросил Элиас.

Голографическая проекция архива появилась перед ним. Красным были отмечены разрушенные секции – почти треть всего архива. И все эти секции были так или иначе связаны с периодом Исхода Земли и несколькими столетиями после него.

Элиас запросил более детальную информацию о стёртых данных, но система не могла предоставить такой отчёт. Квантовый выжигатель не оставлял следов – только пустоту там, где раньше была информация.

– Журнал доступа, последние 30 стандартных дней, – запросил Элиас.

Список посетителей архива появился перед ним. CLIO-3, в отличие от MNEMOSYNE-9, не был полностью изолирован. Как хранилище исторических знаний, он иногда принимал исследователей – историков, археологов, лингвистов, которым требовался доступ к оригинальным источникам.

В журнале было несколько десятков имён – представители различных миров и цивилизаций. Ничего необычного на первый взгляд. Но затем Элиас заметил странную запись – посетитель, зарегистрированный всего лишь под именем "Исследователь", с пометкой "Галактическая Федерация Андромеды".

Дата посещения – за три дня до нападения на архив.

Элиас выделил эту запись и запросил дополнительную информацию. Система предоставила скудные данные – посетитель получил доступ к секциям, связанным с поздними периодами Исхода Земли, и провёл в архиве около семи стандартных часов. Биометрические данные не были зарегистрированы – необычное упущение в протоколах безопасности.

Это могло быть совпадением, но интуиция Элиаса, отточенная тысячелетиями, говорила об обратном. Этот "Исследователь" был как-то связан с нападением на архив.

Элиас продолжил изучать журналы доступа, но больше ничего подозрительного не обнаружил. Он переключил внимание на кристалл памяти, полученный от Септимуса. Это было рискованно – неизвестно, что содержалось в этих данных и не было ли там каких-либо защитных механизмов или ловушек. Но другого способа узнать, что искали нападавшие, у него не было.

Элиас подключил кристалл к консоли и запустил процедуру сканирования. Система архива начала анализировать содержимое, проверяя его на наличие вредоносных программ или скрытых триггеров.

– Сканирование завершено, – сообщила система после нескольких минут анализа. – Вредоносного кода не обнаружено. Содержимое: фрагменты исторических записей, личный журнал архивариуса Септимуса Хроникла, видеозапись последних моментов перед нападением.

Элиас решил начать с видеозаписи. Голографическая проекция развернулась перед ним, показывая центральный узел архива CLIO-3 – тот самый, в котором он сейчас находился, но неповреждённый, заполненный светом и информационными потоками.

В записи Септимус стоял перед главной консолью, изучая какие-то данные. Внезапно его внимание привлекло что-то за кадром. Он повернулся, и на его лице отразилось удивление, сменившееся настороженностью.

– Кто вы? – спросил Септимус. – Как вы получили доступ к этому сектору?

Голос, ответивший ему, был искажён – намеренно или из-за повреждения записи, Элиас не мог определить.

– Вы знаете, кто мы, архивариус. Мы пришли за информацией о Протоколе Возрождения. Лицо Септимуса отразило недоумение.

– Я не знаю, о чём вы говорите. В архиве нет записей о таком протоколе.

– Не лгите нам, – ответил искажённый голос. – Мы знаем, что секретные секции существуют. Мы получили доступ к зашифрованным каталогам. Протокол Возрождения, Проект Лазарь – всё это здесь, скрыто от глаз обычных посетителей.

Септимус выпрямился, и его голос стал официальным.

– Как архивариус CLIO-3, я клянусь кодексом, что не имею информации о существовании таких секций или проектов. Теперь я прошу вас покинуть архив немедленно, или я буду вынужден активировать защитные протоколы.

Последовала пауза, и затем искажённый голос произнёс с нотками сожаления:

– Мы надеялись на ваше сотрудничество, архивариус. Но если вы отказываетесь помочь, у нас нет выбора.

В кадр вошли две фигуры в тёмных одеяниях с глубокими капюшонами, скрывающими лица. Одна из них держала странный предмет, похожий на жезл с кристаллическим наконечником.

Септимус отступил, активируя какие-то команды на консоли – вероятно, пытаясь запустить защитные системы архива.

– Именем Совета Архивариусов, я приказываю вам остановиться! – воскликнул он. – Вы нарушаете древнейшие законы! Архивы неприкосновенны!

– Некоторые знания слишком опасны, чтобы сохранять их, – ответила фигура с жезлом. – Некоторые истории должны остаться непрочитанными.

Затем жезл активировался, испуская странное искажённое свечение. Там, где этот свет касался поверхностей архива, материя будто растворялась, оставляя после себя пустоту.

Септимус в ужасе наблюдал за этим всего мгновение, затем бросился к одной из боковых консолей. Его пальцы летали над интерфейсом, очевидно, пытаясь сохранить какие-то данные.

Фигура направила жезл в его сторону. Луч искажённого света прошёл сквозь правую руку архивариуса, просто стирая её из существования. Септимус закричал от боли, но продолжал работать левой рукой.

– Упрямый старик, – произнёс искажённый голос с нотками уважения. – Но бесполезно. Мы найдём и уничтожим все копии.

Луч снова ударил, на этот раз в консоль. Интерфейс начал растворяться, но, судя по удовлетворённому выражению на лице Септимуса, он успел завершить то, что начал.

– Вы не сможете уничтожить всё, – прошептал раненый архивариус. – Знание найдёт путь.

– Увидим, – ответила фигура с жезлом. Затем она повернулась к своему спутнику. – Начинайте систематическое выжигание всех секций, связанных с целевыми данными. Я займусь верхними уровнями.

Запись оборвалась на этом месте. Элиас сидел неподвижно, потрясённый увиденным. Не только сам факт нападения на архив был беспрецедентным – технология, использованная нападавшими, казалась невозможной. Квантовый выжигатель был теоретической концепцией, никогда не реализованной на практике. Или так думали архивариусы.

Элиас переключился на фрагменты исторических записей, сохранённых Септимусом. Большинство из них касались периода Исхода Земли, но были разрозненными и неполными. Септимус успел спасти лишь малую часть данных.

Однако среди них Элиас нашёл несколько упоминаний о "Протоколе Возрождения" – всегда в контексте величайшей тайны последних дней Земли. Согласно этим фрагментам, Протокол был разработан группой учёных перед самым Исходом и каким-то образом связан с "трансцендентальным переходом человечества". Что именно это означало, оставалось неясным.

Также в записях несколько раз упоминался "Проект Лазарь" – возможно, альтернативное название того же протокола или связанная с ним инициатива.

Самое тревожное упоминание Элиас нашёл в фрагменте, который, судя по всему, был частью зашифрованного личного дневника одного из последних жителей Земли:

"Протокол работает. Мы успешно инициировали процесс. Если все пойдёт по плану, новая итерация возникнет в расчётное время. Однако есть серьёзные опасения относительно стабильности текущей реальности после полной активации. Некоторые теоретики предполагают возможность каскадного коллапса. Надеюсь, они ошибаются. В любом случае, выбора у нас нет – старая вселенная умирает. Мы должны попытаться создать новую."

Элиас перечитал этот фрагмент несколько раз, пытаясь понять его значение. Новая итерация? Каскадный коллапс? Старая вселенная умирает? Это звучало как бред безумца или метафорические размышления философа. Но контекст предполагал, что автор говорил буквально.

Наконец Элиас обратился к личному журналу Септимуса. Записи охватывали последние несколько стандартных лет и в основном касались рутинных аспектов работы архивариуса. Но последние записи были другими – в них чувствовалась растущая тревога.

"42578.7 по Стандартному Летоисчислению. Сегодня я получил странный запрос на доступ к секциям архива, связанным с поздними периодами Исхода Земли. Запрос пришёл от исследователя, представившегося сотрудником Исторического Института Галактической Федерации Андромеды. Проверка его учётных данных показала, что всё в порядке, но что-то в этом запросе кажется... неправильным. Особенно учитывая его интерес к конкретным датам и событиям, о которых мало кто знает."

"42579.2 по СЛ. Исследователь провёл в архиве семь часов. Его поведение было странным. Он проявлял особый интерес к зашифрованным секциям, хотя официально запросил доступ только к общедоступным материалам. Я не уверен, но мне кажется, он пытался взломать систему безопасности архива. Завтра проведу полную диагностику систем."

"42579.5 по СЛ. Диагностика выявила следы несанкционированного доступа к каталогам зашифрованных секций. Ничего не было скопировано или повреждено, но кто-то определённо пытался получить информацию о структуре этих секций. Я активировал дополнительные протоколы безопасности и отправил запрос в Совет Архивариусов. Странно, но Совет ещё не ответил. Обычно они реагируют на такие сообщения мгновенно."

"42580.1 по СЛ. Я обнаружил нечто тревожное. В одной из древнейших секций архива, среди материалов, которые не индексировались тысячелетиями, я нашёл упоминание о "Протоколе Возрождения". Согласно этим записям, Протокол был связан с какими-то экспериментами по "реструктуризации базовой ткани реальности". Звучит как чистая теория, но если это правда... последствия могут быть непредсказуемыми. Я продолжу исследование."

"42580.8 по СЛ. Мне не даёт покоя мысль о странном посетителе и его интересе к зашифрованным секциям. Я провёл глубокое сканирование всех систем архива и обнаружил скрытые маркеры в каталогах – кто-то пометил определённые записи для последующего доступа. Все эти записи так или иначе связаны с последними днями Земли и загадочным Протоколом. Я стёр маркеры и изменил коды доступа ко всем критическим системам."

"42581.3 по СЛ. Я получил странное сообщение от анонимного источника: "Некоторые истории должны остаться непрочитанными". Это звучит как угроза. Я активировал все защитные системы архива и отправил экстренный вызов в Совет. На этот раз я использовал старый квантовый канал, который не использовался уже тысячелетия. Надеюсь, это привлечёт их внимание."

Последняя запись была датирована днём нападения на архив:

"42581.9 по СЛ. Они здесь. Не знаю, как они получили доступ, но они внутри архива. Системы безопасности не сработали – как будто они знали все коды и протоколы. Я должен попытаться сохранить хоть что-то. Если кто-то найдёт эту запись – они ищут информацию о Протоколе Возрождения. Я не знаю точно, что это такое, но судя по фрагментам, которые я успел изучить, это может быть технология невероятной мощи. Технология, способная пересоздать реальность. Или уничтожить её."

На этом журнал обрывался. Элиас откинулся на спинку кресла, пытаясь осмыслить всю полученную информацию. Ситуация была намного серьёзнее, чем он предполагал изначально. Речь шла не просто о нападении на архив – речь шла о систематическом уничтожении определённой информации, информации о чём-то потенциально опасном для всей вселенной.

Протокол Возрождения. Технология, способная пересоздать реальность. Звучало как научная фантастика или религиозный миф. Но архивариусы не занимались мифами – они имели дело с фактами, с реальной информацией.

Если Протокол Возрождения действительно существовал, если он мог сделать то, о чём говорилось в сохранённых фрагментах... это объясняло бы отчаянное желание кого-то уничтожить все упоминания о нём.

Но кто эти "они"? Кто обладал знаниями и технологиями архивариусов, но действовал вопреки их кодексу? И главное – что делать теперь?

Элиас знал только одно – он не мог игнорировать произошедшее. Нападение на архив, убийство архивариуса, уничтожение бесценных знаний – всё это требовало ответа. И если архивы URANIA-5 и THALIA-7 получили такие же запросы, как CLIO-3, они могли быть следующими целями.

Он должен был действовать, и действовать быстро. Нужно было созвать Совет Архивариусов – древнейший управляющий орган хранителей знаний, не собиравшийся в полном составе уже пять тысячелетий.

Элиас скопировал все данные с кристалла памяти Септимуса на свои персональные носители и отключился от системы архива. Пора было возвращаться на корабль и готовиться к долгому путешествию. Впереди был созыв Совета, расследование нападения и, возможно, противостояние с неизвестным врагом, обладающим пугающими технологиями и знаниями.

Покидая разрушенный архив, Элиас бросил последний взгляд на место, где лежало тело Септимуса. Его переполняла решимость найти тех, кто ответственен за эту трагедию, и узнать правду о загадочном Протоколе Возрождения.

Но глубоко внутри, в той части разума, которую тысячелетия службы научили скрывать даже от самого себя, шевельнулось сомнение. Что если нападавшие были правы? Что если некоторые знания действительно слишком опасны, чтобы сохранять их? Что если некоторые истории действительно должны остаться непрочитанными?

Элиас отбросил эти мысли. Он был архивариусом. Его долг – сохранять знания, все знания, без исключения и цензуры. Таков был кодекс, которому он следовал четыре тысячи семьсот восемьдесят два года. И он не собирался отступать от него сейчас.

С этой мыслью он шагнул в шлюз корабля, готовый к началу нового и, возможно, последнего путешествия в своей долгой жизни.

Глава 2: Пепел знаний

Корабль Элиаса скользил сквозь пустоту космоса, удаляясь от разрушенного архива СЛЮ-3. Голографические проекции на стенах каюты показывали уменьшающийся силуэт станции – некогда величественной спиральной структуры, теперь искалеченной и безжизненной.

Элиас сидел в кресле пилота, погружённый в мрачные размышления. Кристалл памяти Септимуса лежал перед ним на консоли – небольшой многогранник, переливающийся внут-

ренним светом. Внутри него находились последние фрагменты информации, которую кто-то отчаянно хотел уничтожить.

– Номос, анализ повреждений архива СЛЮ-3 завершён? – спросил Элиас, нарушая долгое молчание.

– Да, архивариус, – отозвался мелодичный голос корабельного ИИ. – Результаты неутешительны. Приблизительно 37% структуры архива физически разрушено. Однако информационные потери значительно выше – около 68% всех данных безвозвратно утрачено.

Элиас покачал головой. Такие масштабы разрушения были беспрецедентны. Архивы создавались с учётом всех возможных угроз – от естественных космических катастроф до преднамеренных атак. Они должны были выдерживать прямое попадание антиматерии, выживать в центре взрывающейся звезды. Что же за оружие использовали нападавшие?

– Спектральный анализ остаточного излучения? – продолжил он опрос.

– Зафиксированы аномальные квантовые флуктуации в диапазоне, соответствующем теоретическим моделям квантового выжигателя. Наблюдаются характерные искажения базовой структуры пространства-времени вокруг повреждённых секций.

Элиас нахмурился. Эти данные подтверждали его худшие опасения. Квантовый выжигатель не просто уничтожал материю – он стирал информацию из самой ткани реальности. Данные, уничтоженные таким оружием, не могли быть восстановлены даже теоретически.

– Проложи курс к архиву MNEMOSYNE-9, – приказал Элиас. – Максимальная скорость. Мне нужно инициировать созыв Совета Архивариусов.

– Понял, архивариус. Расчётное время прибытия при использовании ближайшей кротовой норы: 5 часов 27 минут.

Элиас кивнул и погрузился в молчание. Пять часов – достаточно времени, чтобы более тщательно изучить содержимое кристалла памяти Септимуса и подготовиться к созыву Совета. Это будет непростой разговор. Совет не собирался в полном составе уже пять тысячелетий, с тех пор как была завершена Последняя Война Данных и установлен новый порядок хранения знаний.

Он взял кристалл и поместил его в аналитический слот своей персональной консоли. В отличие от систем архива СЛЮ-3, его личное оборудование было в идеальном состоянии и могло извлечь максимум информации даже из повреждённых данных.

Консоль ожила, проецируя трёхмерную карту содержимого кристалла. Большинство секторов были повреждены или содержали фрагментарные данные. Но один сектор выделялся – он был защищён дополнительными уровнями шифрования и, судя по всему, содержал наиболее важную информацию, которую Септимус пытался сохранить.

Элиас ввёл свои коды доступа высшего уровня, надеясь, что они подойдут для дешифровки. Система задумалась на мгновение, а затем выдала сообщение об ошибке: "Недостаточный уровень доступа. Требуется специальный ключ шифрования."

Это было неожиданно. Как старший архивариус, Элиас имел доступ практически ко всем данным в архивах. Если Септимус использовал шифрование, которое не поддавалось даже его кодам, значит, информация была действительно исключительной важности.

– Номос, провести полный спектральный анализ защищённого сектора кристалла. Ищи любые аномалии в структуре шифрования.

– Выполняю, архивариус, – отозвался ИИ. – Это может занять некоторое время. Структура шифрования нестандартна.

Пока Номос работал, Элиас обратился к другим секторам кристалла, которые поддавались чтению. Большинство из них содержали данные, которые он уже видел в архиве СЛЮ-3 – фрагменты исторических записей об Исходе Земли и личный журнал Септимуса.

Но был ещё один небольшой сектор, который он ранее не заметил. Он содержал серию изображений – фотографий и сканов древних документов, относящихся к последним дням Земли.

Элиас открыл первое изображение. Это была фотография какого-то комплекса зданий, частично скрытого под поверхностью земли. Судя по архитектуре и окружающему ландшафту, это было где-то в горной местности на Земле. Подпись гласила: "Комплекс 'Лазарь', Гималаи, 2387 год по старому летоисчислению."

Следующее изображение показывало группу людей в белых лабораторных костюмах, стоящих вокруг странного устройства, напоминающего гибрид квантового компьютера и медицинского оборудования. Подпись: "Команда 'Возрождения', финальные испытания, 2394 год."

Далее шла серия сканированных документов – страницы из какого-то журнала исследований. Большая часть текста была нечитаема из-за повреждений, но некоторые фразы выделялись:

"...успешное моделирование малых квантовых вселенных..." "...проблема стабильности решена через применение теории суперструн-7..." "...загрузка паттернов сознания в квантовый субстрат прошла успешно..." "...этические вопросы отложены ввиду критической ситуации..."

Последнее изображение было самым тревожным. Оно показывало Землю из космоса, но планета выглядела иначе, чем на исторических записях. Большие участки поверхности имели странный фиолетовый оттенок, будто покрытые каким-то неизвестным веществом. Атмосфера казалась искажённой, с неестественными завихрениями. Подпись гласила: "Распространение квантовой аномалии, 2399 год. Прогнозируемое время до полного охвата планеты: 2,7 года."

Элиас долго смотрел на это последнее изображение. Он никогда не видел таких записей о последних днях Земли. Официальная история говорила о климатических изменениях или социальном коллапсе как о причинах Исхода. Ничего о "квантовых аномалиях" или проектах по "возрождению" не упоминалось.

Что же на самом деле произошло с колыбелью человечества?

– Архивариус, – прервал его размышления голос Номоса, – я завершил анализ защищённого сектора. Обнаружена интересная особенность: шифрование содержит биометрический компонент.

– Биометрический? – Элиас удивлённо поднял бровь. – Ты имеешь в виду, что для дешифровки требуется не только код, но и биологический образец?

– Именно так. Причём, судя по структуре, это не стандартная биометрия вроде отпечатка пальца или сканирования сетчатки. Требуется более сложный образец – возможно, полный нейронный паттерн или образец модифицированной ДНК архивариуса.

Элиас задумался. Такие меры безопасности были экстраординарными даже для архивов. Обычно они использовались только для самых секретных и потенциально опасных знаний.

– Может ли подойти мой нейронный паттерн? – спросил он. – Мы с Септимусом проходили обучение в одной когорте.

– Вероятность низкая, – ответил Номос, – но попытка не повредит данным. Система разработана так, чтобы защищать информацию, а не уничтожать её при неправильном доступе.

Элиас кивнул и активировал встроенный в консоль нейросканер. Тонкий луч света пробежал по его лицу, считывая микровыражения и нейронную активность. Затем система запросила каплю его крови для анализа ДНК. Элиас поднёс палец к небольшому отверстию в консоли, позволяя устройству взять образец.

Консоль задумалась, обрабатывая данные. Индикатор загрузки медленно полз вперёд, показывая процесс сопоставления биометрических параметров Элиаса с требованиями шифрования.

Наконец система выдала результат: "Частичное соответствие. Доступ к основным данным разрешён. Глубинные уровни остаются заблокированными."

Элиас выдохнул с облегчением. Хотя бы часть информации он сможет получить.

Защищённый сектор открылся, представляя собой нечто вроде личного дневника Септимуса, но зашифрованного и скрытого от обычного доступа. Записи начинались несколько стандартных месяцев назад:

"Я обнаружил нечто тревожное в древнейших архивах. Информацию, которой не должно быть. Историю, которую, казалось, кто-то пытался стереть из всех записей, но несколько фрагментов выжили.

Протокол Возрождения не был просто научным экспериментом последних дней Земли. Это была отчаянная попытка спасти не просто человечество, но саму реальность.

Согласно этим фрагментарным записям, приблизительно в 2370-х годах по старому летоисчислению учёные Земли обнаружили фундаментальную нестабильность в структуре нашей вселенной. Квантовые флуктуации в определённых точках пространства-времени начали усиливаться, создавая аномалии, которые постепенно распространялись, разрушая саму ткань реальности.

Причина этой нестабильности осталась неизвестной. Некоторые теоретики предполагали, что это естественный процесс старения вселенной. Другие считали, что причиной могли быть ранние эксперименты с искривлением пространства-времени или попытки создания искусственных червоточин.

В любом случае, прогнозы были мрачными. По самым оптимистичным оценкам, вселенная должна была полностью коллапсировать в течение нескольких сотен лет. По пессимистичным – в течение нескольких десятилетий.

Проект Лазарь – или Протокол Возрождения, как он был переименован позже, – был создан как ответ на эту угрозу. Его цель была одновременно простой и невероятно амбициозной: создать новую вселенную, в которую можно было бы перенести сознание человечества и других разумных видов, с которыми к тому времени был установлен контакт.

Технические детали Протокола в сохранившихся фрагментах описаны скудно. Упомянется использование квантовых компьютеров невероятной мощности, манипуляции с так называемыми 'семенами реальности' – особыми конфигурациями энергии и информации, способными инициировать формирование новых вселенных.

Самое тревожное в этих записях – намёки на то, что Протокол был успешно реализован. Что наша нынешняя вселенная может быть результатом активации Протокола Возрождения.

Если это правда... если мы живём во вселенной, созданной искусственно... это поднимает бесчисленные философские и экзистенциальные вопросы. Но ещё более тревожный вопрос: была ли предыдущая вселенная действительно обречена? Или её уничтожение было преждевременным?

И самое главное: может ли Протокол быть активирован снова? Что произойдёт с нашей реальностью, если кто-то попытается создать ещё одну новую вселенную?"

На этом доступная часть записей заканчивалась. Остальные данные оставались зашифрованными, требуя полного биометрического соответствия.

Элиас откинулся в кресле, пытаясь осмыслить прочитанное. Если записи Септимуса соответствовали истине, то речь шла о знании, способном потрясти основы мироздания. О технологии, позволяющей создавать – и, возможно, уничтожать – целые вселенные.

Неудивительно, что кто-то хотел стереть все упоминания о Протоколе Возрождения из архивов. Такое знание в неправильных руках могло привести к катастрофическим последствиям.

Но кто были эти "они"? Кто обладал информацией о Протоколе и технологиями для уничтожения архивов? И что они планировали делать дальше?

– Архивариус, – прервал его размышления голос Номоса, – мы приближаемся к точке формирования кротовой норы. Расчётное время до MNEMOSYNE-9: 4 часа 52 минуты.

Элиас кивнул, благодарный за напоминание. Ему нужно было подготовиться к созыву Совета. Это будет непростой разговор. Многие архивариусы не покидали своих станций тысячелетиями, полностью погрузившись в обслуживание архивов и изредка общаясь только через квантовую связь.

Он начал составлять официальный запрос на созыв Совета, формулируя его в строгих терминах протокола архивариусов. Ситуация была беспрецедентной, и он должен был быть предельно точным в описании угрозы.

Однако даже погружённый в эту работу, Элиас не мог отделаться от мыслей о Протоколе Возрождения. Если такая технология действительно существовала, если она могла создавать новые вселенные... что ещё она могла делать? И какую цену приходилось платить за такую силу?

Корабль вошёл в кротовую нору, и пространство вокруг исказилось в калейдоскопе квантовых флуктуаций. Элиас продолжал работать, готовясь к возвращению на MNEMOSYNE-9 и к противостоянию с неизвестным врагом, желающим уничтожить одну из величайших тайн вселенной.

Архив MNEMOSYNE-9 выглядел точно так же, как и при отлёте Элиаса – величественная геометрически совершенная структура, парящая в пустоте между галактиками. Но теперь, зная о судьбе CLIO-3, Элиас смотрел на свой дом с новой тревогой. Архивы больше не казались неязвимыми бастионами знаний. Они стали мишенями.

Корабль плавно вошёл в док станции. Системы MNEMOSYNE-9 приветствовали возвращение архивариуса серией мелодичных сигналов и автоматически начали процедуру синхронизации данных.

– Блокировать синхронизацию, – неожиданно для самого себя приказал Элиас. – Все данные с корабля должны оставаться изолированными до дальнейших указаний.

Это было нарушением стандартных протоколов, но после увиденного в CLIO-3 Элиас не мог рисковать. Если нападавшие каким-то образом получили доступ к системам архивов, полная синхронизация могла подвергнуть опасности информацию, которую он получил от Септимуса.

Покинув корабль, Элиас быстро направился к своему личному модулю. По пути он активировал дополнительные протоколы безопасности, ограничивая доступ ко всем критическим системам архива. Теперь только его персональные коды могли управлять MNEMOSYNE-9.

В центре своего модуля Элиас активировал систему квантовой связи – специальное устройство, позволяющее архивариусам общаться на любых расстояниях практически мгновенно благодаря квантовой запутанности.

– Инициировать протокол "Последняя Память", – произнёс он, вводя древний код, не использовавшийся уже пять тысячелетий.

Система задумалась на мгновение, будто удивлённая таким запросом, но затем отозвалась подтверждающим сигналом. В центре модуля возникла голографическая проекция – символ Совета Архивариусов, стилизованное изображение квантового кристалла памяти, окружённого шестью звёздами.

– Внимание всем архивариусам, – начал Элиас официальное обращение. – Я, Элиас Мнемоник, архивариус MNEMOSYNE-9, иницирую экстренный созыв Совета согласно протоколу "Последняя Память". Причина: нападение на архив CLIO-3, приведшее к частичному разрушению станции и гибели архивариуса Септимуса Хроникла.

Произнося эти слова, Элиас почувствовал их тяжесть. За всю историю архивов такое сообщение звучало впервые.

– Нападавшие использовали технологию квантового выжигания для целенаправленного уничтожения определённых секций архива, связанных с периодом Исхода Земли и так называемым "Протоколом Возрождения". Имеются доказательства того, что нападавшие обладают знаниями и технологиями архивариусов, включая доступ к защищённым системам.

Элиас сделал паузу, давая адресатам время осознать сказанное.

– В соответствии с Кодексом, требую личного присутствия всех членов Совета для обсуждения ответных мер. Место сбора: архив MNEMOSYNE-9. Предлагаемое время: не позднее 50 стандартных часов с момента получения этого сообщения. Да хранит нас память.

Завершив обращение, Элиас отключил систему квантовой связи. Теперь оставалось только ждать. Сообщение мгновенно достигло всех архивов благодаря квантовой запутанности. Но как быстро отреагируют другие архивариусы?

Некоторые из них не покидали своих станций тысячелетиями. Другие могли находиться в состоянии глубокой гибернации или быть поглощёнными долгосрочными проектами по каталогизации и сохранению знаний. Элиас надеялся, что срочность ситуации заставит их отложить все дела и откликнуться на призыв.

Пока он ждал ответа, нужно было подготовиться к возможным атакам на MNEMOSYNE-9. Если нападавшие систематически уничтожали информацию о Протоколе Возрождения, они могли добраться и до его архива, хотя MNEMOSYNE-9 специализировалась на философских и метафизических знаниях, а не на истории Земли.

Элиас направился к центральному ядру архива – сердцу квантового суперкомпьютера, управляющего всеми системами станции. Здесь, среди кристаллических структур, пульсирующих едва заметным светом, он мог напрямую взаимодействовать с глубинными уровнями архива.

– Полное сканирование всех каталогов, – приказал он. – Поиск любых упоминаний о "Протоколе Возрождения", "Проекте Лазарь" или связанных терминах.

Система начала поиск, методично проверяя эксабайты данных, накопленных за тысячелетия. Это могло занять часы или даже дни, учитывая объём информации, но Элиас хотел знать, содержит ли его архив какие-либо сведения, которые могли бы заинтересовать нападавших.

Пока система работала, он вернулся в свой личный модуль. Кристалл памяти Септимуса он поместил в специальное хранилище с максимальным уровнем защиты – квантовый сейф, доступ к которому имел только он сам.

Следующие несколько часов Элиас провёл, усиливая защитные системы архива. Он активировал древние протоколы безопасности, разработанные во времена Последней Войны Данных, – силовые поля, способные отразить большинство известных типов оружия, системы раннего обнаружения, мониторящие пространство вокруг станции на сотни световых лет, автономных дронов-защитников.

MNEMOSYNE-9 медленно превращалась из открытого хранилища знаний в неприступную крепость.

Первый ответ на созыв Совета пришёл через шесть часов – от архивариуса Лиры Нео-Мнемозины, хранительницы архива CALLIOPE-12. Лира была самой молодой из архивариусов, всего 200 лет от роду, и самой активной в коммуникациях с внешним миром.

"Получила твоё сообщение, Элиас. Новости ужасающие. Уже в пути к MNEMOSYNE-9. Расчётное время прибытия: 28 стандартных часов. Да хранит нас память."

Элиас испытал облегчение. Хотя Лира и была молода по меркам архивариусов, её энергия и свежий взгляд на вещи могли оказаться полезными в сложившейся ситуации.

Следующим откликнулся Артур Логос, хранитель ARISTOTLE-4, одного из старейших архивов, специализирующегося на философских знаниях. Его сообщение было более формальным:

"Подтверждаю получение вызова согласно протоколу "Последняя Память". Покидаю архив ARISTOTLE-4 через 2 стандартных часа. Расчётное время прибытия: 35 стандартных часов. Да хранит нас память."

Затем ответили остальные члены Совета: Зенон Хроно из архива CHRONOS-1, Ада Аналитика из EUCLID-7 и Омега Синтез из PYTHAGORAS-3. Все они подтвердили получение вызова и сообщили о своём скором прибытии.

Совет Архивариусов собирался впервые за пять тысячелетий. Шесть старейших и мудрейших хранителей знаний должны были встретиться лицом к лицу, чтобы решить судьбу архивов и, возможно, всего знания человечества.

Пока Элиас ждал их прибытия, система архива завершила поиск упоминаний о Протоколе Возрождения. Результаты были скудными – всего несколько косвенных упоминаний в философских трактатах о природе реальности и возможности существования множественных вселенных. Ничего конкретного о самом Протоколе или технологиях, связанных с ним.

Это было логично – MNEMOSYNE-9 специализировалась на метафизике, а не на истории технологий. Если где-то и хранилась детальная информация о Протоколе, то, скорее всего, в архивах, подобных CLIO-3, URANIA-5 или THALIA-7.

Внезапно система безопасности архива издала предупреждающий сигнал. Сенсоры дальнего обнаружения зафиксировали приближающийся объект – корабль, движущийся с высокой скоростью прямо к MNEMOSYNE-9.

– Идентификация? – запросил Элиас.

– Корабль архивариуса Лире Нео-Мнемозины, – ответила система. – Идентификационные коды подтверждены. Расчётное время прибытия: 17 минут.

Элиас удивлённо поднял бровь. Лира должна была прибыть только через 28 часов. Как она добралась так быстро?

Он направился к доку, чтобы лично встретить коллегу. По пути он активировал дополнительные протоколы безопасности – сканирование приближающегося корабля на наличие аномалий и вооружения. После случившегося с CLIO-3 он не мог быть слишком осторожным, даже с членами Совета.

Док MNEMOSYNE-9 начал подготовку к приёму корабля. Гигантские двери медленно открывались, обнажая космическую пустоту за пределами станции. Вдалеке уже была видна светящаяся точка приближающегося корабля.

Корабль Лире был меньше и изящнее судна Элиаса – более современная модель, созданная уже после Великого Запрета на сильный ИИ. Его серебристый корпус отражал свет далёких звёзд, создавая впечатление, будто сама пустота сгустилась в форму корабля.

Судно плавно вошло в док и зависло над посадочной платформой. Трап выдвинулся, соединяя корабль с полом дока, и по нему спустилась стройная фигура в традиционной мантии архивариуса.

Лира Нео-Мнемозина была полной противоположностью стереотипному образу древнего хранителя знаний. Молодая женщина с живыми зелёными глазами (с теми же шестиугольными зрачками, что и у всех архивариусов) и короткими серебристыми волосами, она излучала энергию и любопытство. Хотя по меркам обычных людей 200 лет – невероятный возраст, для архивариуса она была практически ребёнком.

– Элиас! – воскликнула она, увидев старшего коллегу. – Я прибыла, как только получила твоё сообщение. Использовала экспериментальный маршрут через нестабильную кротовую нору – это сократило путь почти на сутки.

Элиас поднял бровь. Использование нестабильных кротовых нор было рискованным даже для продвинутых кораблей архивариусов. Один неверный расчёт – и корабль мог оказаться разорванным на субатомные частицы или заброшенным в неизвестный сектор вселенной.

– Рискованное решение, – заметил он, – но я рад, что ты здесь, Лира. Ситуация серьёзнее, чем я мог описать в официальном вызове.

Лира кивнула, её лицо стало серьёзным.

– Я догадывалась. Нападение на архив, гибель архивариуса... Такого не случилось с основания системы архивов. Что происходит, Элиас?

– Пойдём в мой модуль, – ответил он. – Там безопаснее разговаривать. И мне нужно показать тебе данные, которые я получил от Септимуса перед его смертью.

Они шли по спиральным коридорам MNEMOSYNE-9, и Лира с любопытством осматривалась. Хотя все архивы были построены по схожим принципам, каждый имел свои уникальные особенности, отражающие специализацию и личность архивариуса-хранителя.

– Давно не была в MNEMOSYNE-9, – заметила она. – Почти 50 лет. Ты внёс некоторые изменения в архитектуру внутренних секций?

Элиас кивнул, польщённый её наблюдательностью.

– Реорганизовал метафизический сектор для лучшей интеграции новых данных о природе сознания. И добавил новый кристаллический массив для хранения недавно обнаруженных древних текстов из руин Альдебарана IV.

Они достигли личного модуля Элиаса, и двери бесшумно открылись перед ними. Внутри, в отличие от строгой функциональности остальных частей архива, было что-то почти домашнее – удобные кресла, проекции произведений искусства на стенах, небольшой сад с редкими растениями, собранными с разных миров.

– Хранишь свою человечность, – с одобрением заметила Лира. – Мне это нравится. Многие старшие архивариусы так погружаются в данные, что забывают о простых радостях жизни.

Элиас слабо улыбнулся. Он не считал себя особенно "человечным" – тысячелетия службы и неизбежные потери сделали его более отстранённым, чем хотелось бы. Но он действительно старался сохранять некоторые элементы комфорта и красоты в своём личном пространстве.

– Присаживайся, – он указал на одно из кресел. – Нам нужно многое обсудить до прибытия остальных членов Совета.

Лира села, её лицо выражало напряжённое внимание. Элиас активировал защитное поле вокруг модуля – дополнительная мера предосторожности, блокирующая любые попытки внешнего наблюдения или вмешательства.

– То, что я сейчас расскажу и покажу тебе, может показаться невероятным, – начал он, доставая кристалл памяти Септимуса из квантового сейфа. – Но я видел доказательства собственными глазами.

Следующий час Элиас посвятил детальному описанию своего путешествия к СЛИО-3, встречи с умирающим Септимусом и обнаруженных данных о Протоколе Возрождения. Он показал Лире видеозапись нападения, фотографии таинственного комплекса "Лазарь" и фрагменты зашифрованного дневника Септимуса.

Лира слушала, не перебивая, но её глаза расширились по мере развития рассказа. Когда Элиас закончил, она долго молчала, обрабатывая полученную информацию.

– Если это правда, – наконец произнесла она, – если Протокол Возрождения действительно существовал и был активирован... это меняет всё, что мы знаем о нашей реальности.

Элиас кивнул.

– И это объясняет отчаянное желание кого-то уничтожить все упоминания о нём. Вопрос в том, кто эти "они" и каковы их истинные мотивы.

– У тебя есть теории? – спросила Лира.

– Несколько, – ответил Элиас. – Возможно, это какая-то секретная фракция внутри самой касты архивариусов. Это объяснило бы их доступ к нашим технологиям и кодам. Или это может быть внешняя группа – возможно, связанная с Культом Откровения.

Лира нахмурилась.

– Культ Откровения? Я думала, они давно исчезли после Последней Войны Данных.

– Официально – да. Но есть сведения, что отдельные ячейки сохранились в отдалённых секторах галактики Андромеды. Их философия всегда была сосредоточена на поиске "кода вселенной" – фундаментальных уравнений, управляющих реальностью.

– И Протокол Возрождения мог бы быть для них священным граалем, – задумчиво произнесла Лира. – Технология, способная создавать вселенные... В их понимании это буквально сила богов.

Элиас кивнул. Культ Откровения был одной из самых загадочных организаций в известной истории. Основанный около 12 000 лет назад группой учёных, разочаровавшихся в традиционных методах познания, он эволюционировал в квази-религиозное движение, сочетающее научный подход с мистическими практиками.

– Есть ещё кое-что, – сказал Элиас, извлекая из своей консоли небольшой фрагмент какого-то материала. – Я нашёл это в руинах CLIO-3, рядом с телом Септимуса.

Он протянул объект Лире. Это был осколок странного металла, покрытый символами, напоминающими древние египетские иероглифы, но с явными модификациями.

– Я провёл анализ, – продолжил Элиас. – Этот металл не соответствует ни одному известному элементу или сплаву. Его атомная структура... нестабильна. Как будто он постоянно колеблется между различными состояниями.

Лира внимательно изучала фрагмент.

– Эти символы... Они похожи на письменность Культа Откровения. Я видела подобные в исторических архивах CALLIOPE-12. Но есть и отличия, будто это... эволюционировавшая версия их языка.

Она подняла взгляд на Элиаса.

– Что ты планируешь делать после созыва Совета?

Элиас задумался. Этот вопрос занимал его с момента возвращения из CLIO-3.

– Я считаю, мы должны найти и защитить все оставшиеся фрагменты информации о Протоколе Возрождения. Не для использования этой технологии, а чтобы понять, с чем мы имеем дело. И найти тех, кто стоит за нападениями.

Лира кивнула, но в её взгляде читалось сомнение.

– А что, если Септимус был прав? Что, если некоторые знания действительно слишком опасны? Что, если сам факт существования этой информации представляет угрозу для вселенной?

Это был вопрос, который Элиас задавал себе с момента смерти Септимуса. Вопрос, который противоречил всему, во что он верил как архивариус.

– Наш долг – сохранять знания, все знания, без исключения, – ответил он, но в его голосе не было прежней уверенности. – Таков Кодекс, которому мы присягали.

– Кодекс создавался в иные времена, – мягко возразила Лира. – До того, как мы столкнулись с технологиями, способными создавать или уничтожать целые вселенные.

Элиас не нашёл, что ответить. В глубине души он понимал, что она права. Мир изменился, изменились технологии и знания. Возможно, должны измениться и принципы, по которым архивариусы сохраняли эти знания.

Их разговор прервал сигнал системы безопасности.

– Обнаружен приближающийся корабль, – сообщил искусственный голос архива. – Идентификационные коды подтверждают: архивариус Артур Логос, хранитель ARISTOTLE-4.

– Ещё один член Совета прибыл раньше срока, – заметила Лира. – Похоже, все понимают серьёзность ситуации.

Элиас кивнул. Артур был одним из старейших архивариусов, консервативным и строго следующим Кодексу. Его мнение будет иметь большой вес в предстоящих обсуждениях.

– Пойдём, встретим его, – сказал Элиас, поднимаясь. – И подготовимся к одному из самых важных собраний в истории архивариусов.

Лира последовала за ним, и они направились к доку, готовясь встретить второго члена Совета и продолжить расследование тайны, которая могла потрясти основы самой реальности.

Глава 3: Совет Памяти

Просторный зал Совета в глубине архива MNEMOSYNE-9 не использовался почти пять тысячелетий. Круглая камера с высоким куполообразным потолком была окружена шестью алькоями, в каждом из которых располагалось кресло архивариуса, выполненное из того же квантового кристалла, что и основная структура архива. В центре зала находилась голографическая проекционная система, способная воспроизводить информацию с беспрецедентной детализацией.

Элиас Мнемоник стоял у входа, наблюдая, как системы архива завершают подготовку помещения к историческому собранию. Автоматические чистящие дроны удаляли последние следы пыли, осевшей за тысячелетия неиспользования. Квантовые кристаллы в стенах пульсировали мягким голубым светом, пробуждаясь от долгого сна.

За его спиной появилась Лира Нео-Мнемозина.

– Впечатляет, – произнесла она, оглядывая зал. – Я видела планы этого помещения в архивах, но никогда не думала, что увижу его вживую. Тем более – буду участвовать в заседании Совета.

Элиас кивнул. Для молодой архивариуса это было исключительное событие. Большинство членов касты проводили тысячелетия, не встречаясь лично с коллегами. Общение обычно ограничивалось редкими сеансами квантовой связи по рабочим вопросам.

– Остальные члены Совета придут в течение ближайших шести часов, – сообщил Элиас. – Артур Логос уже здесь, изучает данные, которые я получил от Септимуса. Зенон Хроно, Ада Аналитика и Омега Синтез подтвердили своё скорое прибытие.

Лира кивнула, но в её глазах читалось беспокойство.

– Элиас, перед началом Совета я хотела бы обсудить с тобой ещё кое-что. Мои собственные исследования, которые могут быть связаны с Протоколом Возрождения.

Элиас поднял бровь, заинтригованный.

– Я слушаю.

– В архиве CALLIOPE-12 есть секция, посвящённая метафорическим и мифологическим интерпретациям научных концепций различных цивилизаций, – начала Лира. – Несколько лет назад я обнаружила серию текстов, которые могут быть косвенно связаны с тем, что мы обсуждаем.

Она активировала свой персональный квантовый планшет, и над устройством возникла голографическая проекция древнего текста, написанного на языке, который Элиас не сразу смог идентифицировать.

– Это "Кодекс Джарамуна", – пояснила Лира. – Создан примерно 15 000 лет назад на планете Новая Александрия, в период расцвета Галактической Федерации Андромеды. Формально это религиозный текст, но многие исследователи считают, что он зашифровано описывает реальные научные концепции и исторические события.

Она увеличила фрагмент текста и активировала автоматический перевод.

"И было открыто Творцам, что реальность хрупка, как весенний лёд. И узрели они, что вселенная их угасает, подобно свече на ветру. И создали они Инструмент Творения, чтобы зажечь новую свечу прежде, чем старая погаснет. И было это названо Ритуалом Пробуждения."

– Ритуал Пробуждения, – задумчиво произнёс Элиас. – Созвучно с Протоколом Возрождения. Может быть совпадением, но...

– Есть и другие параллели, – продолжила Лира, пролистывая текст. – Здесь говорится о "семенах реальности", "квантовых ключах" и "переносе сущности". В метафорической форме, конечно, но терминология удивительно схожа с фрагментами, которые ты показал мне из архива Септимуса.

Элиас внимательно изучал текст. Для случайного совпадения параллели были слишком точными.

– Ты считаешь, этот кодекс описывает реальный Протокол Возрождения?

– Возможно, – кивнула Лира. – Или, что более вероятно, слухи о Протоколе просочились в культуру и были переработаны в религиозный миф. Что интересно, Кодекс Джарамуна стал одним из священных текстов Культа Откровения на ранних этапах его существования.

Элиас нахмурился. Связь с Культот Откровения подтверждала его теорию о возможной причастности этой организации к нападениям на архивы.

– Ты сказала, что этот текст создан на Новой Александрии? – спросил он, вспомнив упоминание в журнале Септимуса о "исследователе из Галактической Федерации Андромеды".

– Да, это главный мир Федерации, известный своими обширными библиотеками и академиями. Практически вся планета превращена в одно гигантское хранилище знаний – не такое систематизированное и полное, как наши архивы, но впечатляющее по своим масштабам.

– Интересное совпадение, – заметил Элиас. – Последний посетитель CLIO-3 перед нападением представился исследователем именно из Федерации Андромеды.

Лира выглядела встревоженной.

– Ты думаешь...?

– Я не знаю, что думать, – честно ответил Элиас. – Но слишком много совпадений. Возможно, после Совета нам придётся посетить Новую Александрию. Если кто-то ищет информацию о Протоколе Возрождения, это логичное место для начала поисков.

Их разговор прервал сигнал системы оповещения архива.

– Обнаружены два приближающихся корабля, – сообщил искусственный голос. – Идентификационные коды подтверждены: архивариус Зенон Хроно, хранитель CHRONOS-1, и архивариус Ада Аналитика, хранитель EUCLID-7.

– Ещё два члена Совета, – отметила Лира. – Осталось дождаться только Омегу Синтеза. Элиас кивнул и направился к выходу из зала.

– Пойдём, встретим их. И подготовимся к тому, что может стать самым важным заседанием Совета за всю историю архивариусов.

Шесть кресел в зале Совета были заняты впервые за пять тысячелетий. Шесть архивариусов, старейших и мудрейших хранителей знаний человечества и других разумных видов, собрались вместе, чтобы обсудить беспрецедентную угрозу архивам.

Элиас Мнемоник, хозяин MNEMOSYNE-9, занимал место напротив входа. По правую руку от него сидела Лира Нео-Мнемозина – самая молодая из архивариусов, с короткими серебристыми волосами и яркими зелёными глазами, излучающими энергию и любопытство.

По левую руку расположился Артур Логос – высокий, худощавый мужчина с аскетичным лицом и глубоко посаженными глазами, в которых отражалась мудрость тысячелетий. Хранитель архива ARISTOTLE-4, он был известен своей приверженностью традициям и буквальному толкованию Кодекса архивариусов.

Рядом с Артуром сидел Зенон Хроно – странная фигура даже по меркам архивариусов. Его тело было модифицировано для жизни в условиях экстремальной гравитации, что придавало ему приземистый, почти квадратный вид. Волосы и борода, полностью белые, контрастировали с тёмной кожей. Как хранитель архива CHRONOS-1, специализирующегося на природе времени, Зенон мыслил нелинейно, часто перескакивая между темами и временными периодами в своих рассуждениях.

Напротив Зенона расположилась Ада Аналитика – единственная из архивариусов, чьё тело почти полностью состояло из синтетических компонентов. Лишь её мозг оставался органическим, хотя и значительно модифицированным. Её металлическое лицо, способное выра-

жать эмоции благодаря продвинутому мимическим механизмам, сейчас отражало глубокую озабоченность. Хранительница архива EUCLID-7, она специализировалась на математических и логических знаниях.

Последнее кресло занимал Омега Синтез – самый загадочный из архивариусов. Его внешность постоянно менялась, черты лица плавно перетекали одно в другое, делая его похожим то на молодого человека, то на пожилую женщину, то на существо неопределённого пола и возраста. Как хранитель архива PYTHAGORAS-3, специализирующегося на междисциплинарных знаниях, Омега обладал уникальной способностью синтезировать информацию из различных областей.

Элиас поднялся со своего места, привлекая внимание коллег.

– Благодарю всех за оперативное прибытие, – начал он. – Созыв Совета согласно протоколу "Последняя Память" не случался со времён завершения Последней Войны Данных. То, что вынудило меня инициировать этот протокол, может представлять угрозу не только для архивов, но и для самих основ знания, которое мы храним.

Он активировал голографическую проекцию в центре зала. Перед членами Совета возникло изображение разрушенного архива CLIO-3.

– Три стандартных дня назад я получил аварийный сигнал от архива CLIO-3. По прибытии обнаружил, что значительная часть станции разрушена, а архивариус Септимус Хроникл смертельно ранен.

По залу пронеслась волна потрясения. Насильственная смерть архивариуса была чем-то невообразимым для присутствующих.

– Перед смертью Септимус успел передать мне кристалл памяти с фрагментами данных, которые нападавшие пытались уничтожить. А также записать видео самого нападения.

Элиас переключил проекцию, и перед Советом появилась запись последних минут архива CLIO-3. Члены Совета молча наблюдали, как фигуры в тёмных одеяниях используют странное оружие, разрушающее структуру архива, и смертельно ранят Септимуса.

Когда запись закончилась, первым нарушил тишину Артур Логос, его глубокий голос звучал необычно хрипло от волнения.

– Это невозможно. Архивы неприкосновенны. Таков древнейший закон, соблюдаемый всеми цивилизациями со времён основания системы архивов.

– И тем не менее, это произошло, – жёстко ответил Элиас. – Более того, нападавшие использовали технологию, которая считалась лишь теоретически возможной – квантовый выжигатель, способный стирать информацию непосредственно из структуры пространства-времени.

– Откуда у них такая технология? – спросила Ада Аналитика, её металлическое лицо выражало глубокую озабоченность. – Квантовый выжигатель требует знаний и ресурсов, доступных лишь самым продвинутым цивилизациям.

– Это лишь один из многих вопросов, на которые нам предстоит найти ответы, – ответил Элиас. – Но ещё более тревожным является то, что нападавшие обладали кодами доступа архивариусов и явно знали внутреннюю структуру архива.

– Предательство? – резко спросил Омега Синтез, его лицо в этот момент приняло черты сурового мужчины средних лет. – Ты предполагаешь, что кто-то из касты архивариусов причастен к этому?

Элиас вздохнул.

– Я не исключаю такой возможности. Хотя это кажется невыносимым.

– Что именно они пытались уничтожить? – вмешался Зенон Хроно, его голос звучал странно, будто одновременно из прошлого и будущего. – Ты сказал, Септимус успел сохранить часть данных?

– Да, – кивнул Элиас и переключил проекцию на содержимое кристалла памяти. – Они целенаправленно уничтожали все упоминания о так называемом "Протоколе Возрождения" – проекте, связанном с последними днями Земли.

Он кратко изложил то, что узнал из данных Септимуса – о нестабильности вселенной, обнаруженной древними учёными Земли, о создании технологии, способной формировать новые реальности, и о возможности того, что их нынешняя вселенная может быть результатом активации этого Протокола.

Когда он закончил, зал погрузился в молчание. Каждый из архивариусов осмысливал услышанное, и даже для их древних и мудрых разумов это было шокирующим откровением.

– Если это правда, – наконец произнесла Лира, – если наша вселенная действительно была создана искусственно... это меняет всё, что мы знаем о природе реальности.

– Если это правда, – эхом отозвался Артур Логос, – это также объясняет, почему кто-то так отчаянно пытается уничтожить все упоминания о Протоколе. Такие знания могут быть невероятно опасными в неправильных руках.

– Или в любых руках, – тихо добавил Омега Синтез. – Некоторые знания действительно могут быть слишком опасными, чтобы сохранять их.

Эти слова вызвали взрыв негодования со стороны Артура.

– Ты предлагаешь нарушить первую статью Кодекса? "Знание священно. Память вечна. Архивариус хранит, но не судит." Это фундаментальный принцип, на котором построена вся система архивов!

– Принцип, созданный до того, как мы столкнулись с технологией, способной пересоздавать вселенные, – возразил Омега, его черты сейчас напоминали пожилую женщину с мудрыми глазами. – Что, если активация Протокола Возрождения для создания новой вселенной неизбежно приводит к разрушению старой? Что, если сохранение этих знаний подвергает риску существование всей нашей реальности?

Совет разделился на две противоборствующие фракции. Артур Логос и Ада Аналитика настаивали на традиционном подходе – сохранять все знания без исключения, согласно Кодексу. Омега Синтез и Зенон Хроно склонялись к более осторожной позиции, допуская возможность того, что некоторые знания слишком опасны, чтобы сохранять их в доступной форме.

Лира Нео-Мнемозина занимала промежуточную позицию, предлагая глубже изучить вопрос, прежде чем принимать окончательное решение.

Элиас молча наблюдал за дискуссией, понимая, что от его позиции во многом зависит решение Совета. Как инициатор созыва и хозяин MNEMOSYNE-9, он имел решающий голос в случае разделения мнений.

– Прежде чем мы примем какое-либо решение, – наконец прервал он спор, – нам нужно больше информации. Мы должны узнать, кто стоит за нападениями на архивы, и понять истинную природу Протокола Возрождения.

– Согласно, – кивнула Лира. – Я предлагаю начать с Новой Александрии. Это логичное место для поисков, учитывая связь "исследователя", посетившего СЛИО-3 перед нападением, с Галактической Федерацией Андромеды.

– Новая Александрия – огромный мир, – заметил Артур. – Поиски там могут занять годы, даже с нашими ресурсами.

– У нас есть зацепка, – возразила Лира и рассказала о Кодексе Джарамуна и его связи с Культот Откровения. – Если культисты действительно причастны к нападениям, их следы могут привести нас к центральной библиотеке Новой Александрии, где хранится оригинал Кодекса.

– Разумный подход, – согласился Зенон Хроно. – Но мы не можем оставить архивы беззащитными. Если враг атаковал СЛИО-3, другие архивы тоже могут быть под угрозой.

– Я предлагаю следующий план действий, – сказал Элиас, поднимаясь с места. – Лира и я отправимся на Новую Александрию для расследования. Остальные члены Совета вернутся в свои архивы, но предварительно мы усилим защитные системы всех станций и установим постоянную квантовую связь для немедленного оповещения о любых подозрительных активностях.

– Почему именно вы двое? – спросил Артур, явно не одобряя такое решение.

– Лира лучше всех знакома с историей Культа Откровения и Кодексом Джарамуна, – ответил Элиас. – А я непосредственно взаимодействовал с нападавшими через данные Септимуса и могу распознать их методы. Кроме того, – добавил он после паузы, – кто-то должен остаться и координировать защиту архивов. Ты, Артур, с твоим опытом и авторитетом, лучше всего подходишь для этой роли.

Лесть сработала – Артур выпрямился и важно кивнул.

– В таком случае, я принимаю эту ответственность. Но требую регулярных отчётов о ходе вашего расследования.

– Разумеется, – согласился Элиас. – Мы будем поддерживать постоянную связь через квантовую сеть.

– Есть ещё один важный аспект, который мы не обсудили, – вмешалась Ада Аналитика. – Септимус упоминал "Проект Лазарь" как альтернативное название Протокола Возрождения. Возможно, поиск информации под этим кодовым именем даст результаты.

– Хороший пункт, – кивнул Элиас. – Мы будем искать упоминания обоих названий.

– И ещё кое-что, – добавил Омега Синтез, его лицо сейчас имело нейтральные, почти андрогинные черты. – Будьте крайне осторожны. Если наши предположения верны, и Протокол Возрождения действительно способен пересоздавать реальность, те, кто охотится за этой информацией, могут обладать силами и ресурсами, о которых мы даже не подозреваем.

– Мы будем осторожны, – заверил его Элиас. – Наша миссия – расследование, не конфронтация. Если мы обнаружим непосредственную угрозу, немедленно отступим и свяжемся с Советом.

Зенон Хроно, до этого молчавший, внезапно поднял руку, привлекая внимание.

– Я видел это, – произнёс он загадочно. – Не сейчас, не здесь, но... в другом потоке. Будьте внимательны к теням между звёзд. Они наблюдают. Всегда наблюдают.

Остальные члены Совета обменялись обеспокоенными взглядами. Зенон иногда делал странные, почти пророческие заявления, которые редко имели смысл в момент произнесения, но часто обретали значение позже.

– Мы будем бдительны, – серьёзно ответил Элиас, принимая предупреждение.

– Тогда решено, – подвёл итог Артур Логос. – Элиас и Лира отправляются на Новую Александрию. Остальные возвращаются в свои архивы для координации защитных мероприятий. Мы будем поддерживать постоянную связь через квантовую сеть.

Все члены Совета поднялись со своих мест и соединили руки в центре круга – древний жест единства архивариусов, не практиковавшийся тысячелетиями.

– Да хранит нас память, – произнесли они в унисон.

После завершения заседания Совета Элиас и Лира остались в зале, обсуждая детали предстоящего путешествия.

– Корабли готовы к отбытию через два стандартных часа, – сообщила Лира, проверяя данные на своём квантовом планшете. – Я загрузила всю доступную информацию о Новой Александрии и Культуре Откровения. Это огромный объём данных, но мои нейронные имплантаты справятся с обработкой во время полёта.

Элиас кивнул, но его мысли явно были где-то далеко. Лира внимательно посмотрела на старшего коллегу.

– Что-то беспокоит тебя, помимо очевидного?

Элиас вздохнул.

– Последние слова Септимуса не дают мне покоя. "Некоторые истории должны остаться непрочитанными." Это противоречит всему, во что я верил тысячелетиями. И всё же... если Протокол Возрождения действительно способен создавать – и, возможно, уничтожать – целые вселенные... может быть, Омега прав? Может, некоторые знания действительно слишком опасны?

Лира подошла ближе и мягко коснулась его плеча – редкий жест физического контакта среди архивариусов.

– Я понимаю твои сомнения, Элиас. И разделяю их. Но разве не в этом суть нашей миссии? Не просто слепо сохранять каждый фрагмент информации, но и понимать её значение, её контекст, её потенциальные последствия? Возможно, нам пора эволюционировать от простых хранителей к интерпретаторам знаний.

Элиас поднял взгляд, удивлённый мудростью, звучавшей в словах молодой архивариуса.

– "От хранителей к интерпретаторам", – повторил он задумчиво. – Это... интересная концепция. И возможно, именно то, что нужно архивариусам в эту новую эпоху.

Он выпрямился, и в его глазах появилась решимость.

– Ты права, Лира. Мы не можем просто отбросить тысячелетия традиций и принципов. Но мы можем и должны адаптироваться. Найти баланс между сохранением знаний и ответственностью за их потенциальные последствия.

Лира улыбнулась, довольная тем, что её слова нашли отклик.

– Итак, Новая Александрия, – сказала она, возвращаясь к практическим вопросам. – Я никогда не была там, но изучала её историю и культуру. Это удивительный мир – целая планета, преобразованная в одну гигантскую библиотеку.

– Я был там однажды, очень давно, – ответил Элиас. – Примерно 3000 лет назад, во время дипломатической миссии после завершения Последней Войны Данных. Сомневаюсь, что многое осталось неизменным с тех пор.

– Нам понадобится проводник, – заметила Лира. – Кто-то, кто знает современную Новую Александрию и может помочь нам ориентироваться в её библиотеках и архивах.

– Согласен. Но кому мы можем доверять? – Элиас нахмурился. – После того, что произошло с СЛЮ-3, я не склонен легко доверять незнакомцам.

– У меня есть контакт, – сказала Лира после короткого размышления. – Историк по имени Соломон Хроникл. Он несколько раз посещал CALLIOPE-12 для исследований и производил впечатление честного и компетентного учёного. Специализируется на эпохе Расселения – периоде, когда люди покинули Солнечную систему.

– Хроникл? – переспросил Элиас, удивлённый совпадением фамилии с погибшим архивариусом.

– Да, но это не родственная связь, насколько я знаю, – пояснила Лира. – Просто совпадение фамилий. Хотя, кто знает – за тысячелетия истории человечества родственные связи становятся невероятно запутанными.

Элиас кивнул, принимая объяснение.

– Хорошо, свяжись с этим Соломоном Хрониклом. Но будь осторожна – не раскрывай истинной цели нашего визита. Скажи, что мы интересуемся общей историей Исхода Земли.

– Понимаю, – согласилась Лира. – Я буду осторожна.

Она активировала свой квантовый планшет и начала составлять зашифрованное сообщение. Элиас наблюдал за её работой, размышляя о предстоящем путешествии.

Новая Александрия. Мир книг и знаний. Где-то там могли скрываться ответы на вопросы, терзающие его разум. Кто напал на CLIO-3? Что такое Протокол Возрождения? И самый тревожный вопрос – действительно ли их вселенная была искусственно создана, и что это значило для их понимания реальности?

Он не знал, найдут ли они ответы. Но чувствовал, что это путешествие изменит его – и, возможно, всю касту архивариусов – навсегда.

Глава 4: Осколки памяти

Корабль Элиаса "Номос" плавно скользил через искажённое пространство кротовой норы, направляясь к Новой Александрии. Мерцающие узоры квантовых флуктуаций на стенах тоннеля создавали гипнотический эффект, но Элиас едва замечал их красоту. Его внимание было полностью сосредоточено на кристалле памяти Септимуса, который он снова и снова изучал, пытаясь извлечь из него крупницы информации, которые могли ускользнуть при первом анализе.

– Архивариус, – мелодичный голос корабельного ИИ прервал его размышления, – входящий квантовый сигнал от архивариуса Леры Нео-Мнемозины.

– Принять, – отозвался Элиас, откладывая кристалл.

Над консолью возникла голографическая проекция Леры. Её корабль "Каллиопа" следовал параллельным курсом через соседнюю кротовую нору.

– Элиас, у меня хорошие новости, – сообщила она без предисловий. – Соломон Хроникл согласился встретиться с нами. Более того, он проявил необычайный интерес к нашим исследованиям, даже несмотря на то, что я была намеренно туманна в описании их целей.

Элиас нахмурился.

– Возможно, слишком большой интерес? Это не вызывает у тебя подозрений?

Лира покачала головой.

– Я понимаю твою осторожность, но Соломон – историк, специализирующийся именно на периоде Исхода. Было бы странно, если бы он не проявил интереса. К тому же, я провела дополнительную проверку его академической репутации. Он автор нескольких уважаемых работ по истории ранних космических колоний и считается одним из ведущих экспертов в своей области.

Элиас кивнул, принимая её объяснение, но не теряя бдительности.

– Где и когда состоится встреча?

– В Центральной Библиотеке Новой Александрии, через шесть стандартных часов после нашего прибытия. Этого времени должно хватить для прохождения формальностей и адаптации к местному времени и гравитации.

– Хорошо, – согласился Элиас. – Держи меня в курсе, если будут какие-то изменения.

Он хотел закончить разговор, но Лира явно имела что-то ещё на уме.

– Элиас... есть ещё кое-что, о чём я хотела поговорить. О защищённом секторе кристалла памяти Септимуса. Ты сказал, что не смог получить полный доступ из-за биометрической защиты.

– Да, система требовала полного нейронного паттерна Септимуса для дешифровки глубинных уровней, – подтвердил Элиас. – Мой собственный паттерн обеспечил лишь частичный доступ.

– Я подумала... – Лира немного помедлила, – что если мы объединим наши нейронные паттерны? Создадим комбинированный ключ? Возможно, сходства наших модифицированных структур мозга с паттерном Септимуса будет достаточно для обхода защиты.

Элиас задумался. Идея была нестандартной, но имела рациональное зерно. Архивариусы проходили схожие генетические и нейронные модификации, и хотя каждый паттерн был уникален, существовали фундаментальные сходства.

– Это... интересная концепция, – медленно произнёс он. – Но для этого нам понадобится специальное оборудование. Объединение нейронных паттернов – не тривиальная процедура.

– Я уже исследовала этот вопрос, – с энтузиазмом продолжила Лира. – На Новой Александрии есть несколько исследовательских центров с необходимым оборудованием. Мы могли бы получить доступ под предлогом академического исследования.

Элиас был впечатлён предусмотрительностью молодой коллеги, но всё ещё сохранял осторожность.

– Это рискованно, Лира. Объединение нейронных паттернов может иметь непредсказуемые последствия. И если в кристалле содержится информация, которую кто-то так отчаянно хочет уничтожить, мы можем привлечь нежелательное внимание.

– Я понимаю риски, – серьёзно ответила Лира. – Но разве потенциальные выгоды не перевешивают их? Если в защищённом секторе содержится ключевая информация о Протоколе Возрождения, она может быть решающей для нашего расследования.

Элиас молчал, взвешивая аргументы. Лира была права – доступ к полной информации мог значительно ускорить их поиски. Но процедура объединения нейронных паттернов была не просто технически сложной – она требовала глубокого доверия между участниками.

– Хорошо, – наконец решил он. – Мы рассмотрим эту возможность после встречи с Соломоном Хрониклом. Но сначала нужно оценить общую ситуацию на Новой Александрии и понять, насколько безопасно проводить там такую процедуру.

Лира просияла.

– Спасибо, Элиас! Я уверена, это правильное решение. Я уже начала исследовать потенциальные локации и протоколы безопасности.

– Только не увлекайся планированием, – предупредил Элиас. – Мы всё ещё не знаем, с чем имеем дело и кто за этим стоит. Осторожность должна быть нашим главным приоритетом.

Лира кивнула, соглашаясь.

– Конечно. Я буду осторожна. До связи на орбите Новой Александрии.

Голографическая проекция исчезла, и Элиас вновь остался наедине со своими мыслями. Идея Лире об объединении нейронных паттернов была смелой и потенциально опасной. Такая процедура требовала не просто физического подключения – она создавала временную ментальную связь между участниками. На несколько минут они буквально разделили бы сознание, получив доступ к воспоминаниям и мыслям друг друга.

Для архивариуса, привыкшего к тысячелетиям уединения и ментальной автономии, такая перспектива была одновременно пугающей и странно притягательной. Элиас не мог вспомнить, когда в последний раз по-настоящему делился своими мыслями с другим разумным существом.

Отложив эти размышления, он вернулся к изучению доступных данных о Новой Александрии. Планета, некогда бывшая стандартным земноподобным миром, за тысячелетия превратилась в один гигантский информационный комплекс. Континенты были преобразованы в секции огромной библиотеки, океаны служили естественными барьерами между различными тематическими отделами. Население составляло около 15 миллиардов разумных существ, большинство из которых так или иначе были связаны с хранением, каталогизацией и изучением знаний.

Галактическая Федерация Андромеды, к которой принадлежала Новая Александрия, была одной из старейших и стабильных политических структур известной вселенной. В отличие от многих других межзвёздных государств, она пережила Последнюю Войну Данных практически без потерь, во многом благодаря своей политике нейтралитета и открытого доступа к информации.

Однако в данных, которые изучал Элиас, было мало упоминаний о Культе Откровения и его присутствии на Новой Александрии. Если культисты действительно базировались там, они хорошо скрывали своё существование.

– Архивариус, – снова прервал его размышления голос корабельного ИИ, – мы приближаемся к выходу из кротовой норы. Расчётное время до появления в реальном пространстве: 3 минуты. Расчётное время до прибытия на орбиту Новой Александрии: 47 минут.

– Спасибо, Номос, – отозвался Элиас. – Подготовь стандартные идентификационные коды для космического контроля Федерации. И активируй защитные системы – пассивный режим, без внешних признаков.

– Понял, архивариус. Идентификационные коды подготовлены. Защитные системы активированы в пассивном режиме.

Элиас отложил данные и сосредоточился на управлении кораблём. Выход из кротовой норы всегда был деликатным процессом, требующим точных расчётов и корректировок курса.

Пространство вокруг корабля начало меняться. Мерцающие узоры квантовых флуктуаций становились всё более тусклыми, а впереди уже виднелось яркое пятно – выход в реальное пространство. "Номос" мягко вынырнул из кротовой норы, и перед Элиасом развернулась панорама звёздного неба галактики Андромеда.

В отличие от относительно спокойного пространства между галактиками, где располагались архивы, здесь космос кипел жизнью и движением. Многочисленные корабли различных форм и размеров сновали между звёздных систем, создавая впечатление оживлённой космической магистрали.

Впереди, на расстоянии нескольких световых минут, уже была видна звезда Нео-Сол – жёлтый карлик, удивительно похожий на древнее Солнце Земли. Вокруг неё вращалось несколько планет, и третья от звезды была их целью – Новая Александрия, сверкающая бледно-голубым светом, отражённым от обширных кристаллических структур на её поверхности.

– Входящий сигнал от Космического Контроля Федерации, – сообщил Номос. – Стандартный запрос на идентификацию.

– Ответ согласно протоколу, – распорядился Элиас. – Укажи нашу цель как академическое исследование.

Корабль передал идентификационные коды, и почти мгновенно пришёл ответ.

– Идентификация подтверждена, – доложил Номос. – Получено разрешение на вход в систему и выход на орбиту Новой Александрии. Нам присвоен навигационный коридор Альфа-7.

– Принято, – кивнул Элиас. – Следуй указанным координатам.

"Номос" ускорился, направляясь к далёкой планете. По мере приближения Элиас мог различать всё больше деталей. Новая Александрия действительно была уникальным миром – её континенты были покрыты гигантскими архитектурными комплексами, соединёнными сетью транспортных путей. С орбиты планета напоминала огромный процессор, на котором города и библиотеки выглядели как интегральные схемы.

Вскоре рядом появился корабль Лиры, вынырнувший из соседней кротовой норы. "Каллиопа" была меньше и изящнее "Номоса", её серебристый корпус отражал свет местной звезды, создавая эффект мерцания.

– Входящий сигнал от архивариуса Лиры Нео-Мнемозины, – сообщил Номос.

– Принять, – отозвался Элиас.

Голографическая проекция Лиры появилась перед ним, её лицо выражало возбуждение и нетерпение.

– Ты видишь это, Элиас? – воскликнула она. – Новая Александрия! Я столько читала о ней, но видеть своими глазами... это впечатляет!

Элиас позволил себе лёгкую улыбку. Энтузиазм молодой архивариуса был заразителен, даже для его древнего и часто циничного разума.

– Да, это впечатляющий мир, – согласился он. – Хотя я предпочитаю тишину и порядок наших архивов этому... муравейнику.

Лиры рассмеялась.

– Ты такой архивариус, Элиас! Но разве тебе не интересно увидеть другой подход к сохранению знаний? Новая Александрия – это живая, дышащая библиотека, где знания не просто хранятся, но постоянно используются, интерпретируются, обсуждаются.

– В этом есть свои преимущества, – признал Элиас. – Но и недостатки тоже. Знания, постоянно подвергающиеся интерпретации, могут исказиться, терять изначальный контекст.

– Или обретать новые значения, эволюционировать, – возразила Лира. – Разве не в этом суть знания – в его способности расти и меняться?

Элиас задумался. Эта философская дискуссия затрагивала фундаментальные различия в подходах архивариусов и более открытых хранилищ знаний, таких как Новая Александрия.

– Возможно, истина, как обычно, где-то посередине, – дипломатично заключил он. – В любом случае, нам предстоит ближе познакомиться с методами Новой Александрии. Ты получила разрешение на посадку?

– Да, – кивнула Лира. – Нам выделены доки в Академическом Квартале, рядом с Центральной Библиотекой. Идеальное расположение для наших целей.

– Хорошо, – одобрил Элиас. – Встретимся в доках. И, Лира... – он сделал паузу, – будь осторожна. Мы не знаем, есть ли у наших противников глаза и уши на Новой Александрии.

– Я всегда осторожна, – заверила его Лира с уверенностью, которая, как подозревал Элиас, была не совсем обоснованной для архивариуса её возраста и опыта.

Голографическая проекция исчезла, и Элиас вновь сосредоточился на приближающейся планете. Оба корабля начали снижение, следуя указанным навигационным коридорам. По мере приближения к атмосфере Новой Александрии детали поверхности становились всё отчётливее.

Академический Квартал располагался на крупнейшем континенте планеты, известном как Эпистема. Это был огромный комплекс зданий, построенных в классическом стиле, напоминающем древнегреческую архитектуру Земли, но с явными футуристическими элементами. Центральная Библиотека возвышалась над остальными строениями – колоссальное сооружение из кристалла и металла, достигающее низких слоёв атмосферы.

"Номос" плавно вошёл в атмосферу, защитные поля корабля отводили тепло и сопротивление воздуха. Вскоре они достигли уровня полёта стандартных аэрокаров и продолжили снижение к докам Академического Квартала.

Доки представляли собой просторные платформы, встроенные в крыши зданий. "Номос" приземлился на одну из них, магнитные захваты надёжно зафиксировали корабль. Рядом, на соседней платформе, уже садилась "Каллиопа".

Элиас глубоко вдохнул, готовясь к выходу. Это был первый населённый мир, который он посещал за последние 500 лет. Шум, толпы, социальные взаимодействия – всё это было далеко за пределами его зоны комфорта после столетий уединения в тишине архива.

– Номос, поддерживай полную боевую готовность, – приказал он. – Постоянное сканирование окружающего пространства. При любых подозрительных активностях – немедленное оповещение.

– Понял, архивариус, – отозвался корабельный ИИ. – Системы в режиме полной боевой готовности. Сканеры активированы. Защитные протоколы на максимуме.

Элиас накинул длинный плащ с капюшоном, скрывающий его архивариусскую мантию. В отличие от изолированных архивов, где его статус был предметом глубочайшего уважения, здесь, на Новой Александрии, внимание к фигуре архивариуса могло быть нежелательным.

Он покинул корабль и шагнул на платформу. Тёплый ветер, напоенный ароматами цветущих садов и озона от аэрокаров, ударил в лицо. Шум планеты – гул транспорта, отдалённые голоса миллионов разумных существ, музыка, доносящаяся из открытых амфитеатров – накрыл его волной, заставив на мгновение пошатнуться от сенсорной перегрузки.

– Элиас! – окликнула его Лира, подходя от своего корабля. В отличие от него, она выглядела возбуждённой и полной энергии. – Разве это не удивительно? Столько жизни, столько движения!

Элиас молча кивнул, не разделяя её энтузиазма, но признавая впечатляющий масштаб города вокруг них. С платформы открывался вид на бесконечное море зданий, простираю-

щихся до горизонта. Транспортные артерии пронизывали город на разных уровнях, аэрокары сновали между небоскрёбами, создавая трёхмерную сеть движения.

– У нас четыре часа до встречи с Соломоном Хрониклом, – сказала Лира, проверяя данные на своём квантовом планшете. – Я предлагаю использовать это время для предварительного ознакомления с Центральной Библиотекой и её структурой. Это поможет нам эффективнее действовать после встречи.

– Разумное предложение, – согласился Элиас. – Но сначала нам нужно получить официальное разрешение на исследовательскую деятельность. Федерация строго контролирует доступ к своим информационным ресурсам, особенно для внешних посетителей.

– Я уже позаботилась об этом, – с гордостью сообщила Лира. – Используя свои академические связи, я получила для нас статус приглашённых исследователей Галактического Университета. Это даёт нам практически неограниченный доступ ко всем публичным секциям библиотек и архивов.

Элиас был впечатлён предусмотрительностью молодой коллеги.

– Хорошая работа, – одобрил он. – В таком случае, давай начнём с базового ознакомления с Центральной Библиотекой.

Они направились к лифтам, соединяющим посадочные платформы с основными уровнями города. По пути Лира продолжала изучать данные на своём планшете.

– Согласно последним обновлениям, Центральная Библиотека содержит около 89 экзабайтов структурированной информации, не считая физических носителей, – сообщила она. – Это примерно вдвое меньше, чем в среднем архиве, но впечатляюще для открытого хранилища.

– Не забывай, что наши архивы накапливали информацию тысячелетиями, без потерь и деградации, – заметил Элиас. – Для гражданского проекта объём действительно впечатляющий.

Лифт быстро и бесшумно спустил их на уровень городских улиц. Выйдя из здания доков, они оказались на широком проспекте, обсаженном высокими деревьями с фиолетовой листвой – генетически модифицированными видами, адаптированными к местному климату. Вокруг спешили по своим делам тысячи разумных существ – в основном люди различных модификаций, но также представители десятков других видов, сотрудничающих с Федерацией.

Элиас инстинктивно напрягся от такого количества живых существ вокруг. Его сенсоры, настроенные на обнаружение потенциальных угроз, непрерывно сканировали окружающее пространство.

– Расслабься, Элиас, – мягко сказала Лира, заметив его напряжение. – Мы выглядим как обычные исследователи. Никто не знает, кто мы на самом деле.

– Надеюсь, ты права, – ответил Элиас, но не смог полностью расслабиться. Тысячелетия службы научили его, что паранойя часто оказывается просто здоровой осторожностью.

Они двинулись по проспекту в сторону Центральной Библиотеки, величественное здание которой возвышалось над городом, подобно маяку знаний. По мере приближения Элиас мог оценить истинные масштабы сооружения – оно было не просто большим, оно было монументальным. Основание библиотеки занимало площадь небольшого города, а её вершина терялась в облаках.

– Впечатляет, не правда ли? – заметила Лира, следуя за его взглядом. – Согласно моим данным, строительство началось почти 9000 лет назад и никогда полностью не завершилось. Библиотека постоянно растёт, добавляются новые крылья, секции, хранилища.

– Живая структура, – задумчиво произнёс Элиас. – Как противоположность нашим статичным архивам.

– Не обязательно противоположность, – возразила Лира. – Скорее, дополнение. У каждого подхода есть свои преимущества.

Элиас не ответил, но её слова заставили его задуматься. Может быть, архивариусы действительно могли бы научиться чему-то у более открытых и динамичных систем хранения знаний?

Они достигли главного входа в Центральную Библиотеку – огромной арки высотой не менее тридцати метров, украшенной барельефами, изображающими историю письменности различных цивилизаций. Толпы посетителей входили и выходили через десятки меньших дверей, встроенных в основную арку.

Внутри их встретило поистине грандиозное зрелище. Атриум библиотеки представлял собой колоссальное пространство, уходящее ввысь на сотни этажей. Спиральные рампы и прозрачные лифты соединяли различные уровни. Повсюду были видны полки с физическими книгами, голографические терминалы, проекции редких манускриптов. Тысячи посетителей изучали материалы, общались, работали на персональных консолях.

– Нам нужно найти информационный центр, – сказал Элиас, пытаясь сориентироваться в этом лабиринте знаний. – Получить карты и разрешения.

Лира кивнула, и они направились к одной из центральных станций, где сотрудники библиотеки в характерных синих мантиях помогали посетителям. После короткого ожидания в очереди, они подошли к станции, где их встретила молодая женщина с имплантированными в виски информационными портами – стандартная модификация для библиотекарей высокого ранга.

– Добро пожаловать в Центральную Библиотеку Новой Александрии, – поприветствовала она их с профессиональной улыбкой. – Чем могу помочь?

Лира выступила вперёд, протягивая свой квантовый планшет с загруженными идентификационными данными.

– Мы приглашённые исследователи Галактического Университета. Изучаем историю Исхода Земли и связанные с ним культурные артефакты.

Библиотекарь подключилась к планшету через свои импланты, быстро проверяя данные. Её глаза на мгновение расфокусировались, когда она обрабатывала информацию, затем она кивнула.

– Всё в порядке, доктор Нео-Мнемозина, доктор Мнемоник. Ваши учётные данные подтверждены. Вы получаете доступ ко всем публичным секциям библиотеки и ограниченный доступ к исследовательским архивам исторического отдела.

Она передала им два небольших кристалла – локальные идентификаторы и навигаторы по библиотеке.

– Эти кристаллы содержат полные карты доступных вам секций, а также служат пропусками. Просто приложите их к сенсорным панелям у входа в нужную вам зону. Если у вас возникнут вопросы или понадобится дополнительная помощь, любой библиотекарь будет рад помочь. Приятного исследования!

– Благодарю, – ответила Лира, принимая кристаллы. – Не могли бы вы подсказать, где находится секция, посвящённая истории Земли и ранних колоний?

– Конечно, – кивнула библиотекарь. – Эта секция расположена на 42-м уровне, восточное крыло. Там же находится подсекция, посвящённая периоду Исхода. Лифты 7-12 доставят вас прямо туда.

Поблагодарив библиотекаря, Элиас и Лира направились к указанным лифтам. Прозрачная кабина быстро доставила их на 42-й уровень, где их встретила просторная галерея, заполненная экспонатами, терминалами и физическими книгами.

– С чего начнём? – спросила Лира, активируя навигационный кристалл. Над устройством появилась трёхмерная карта уровня с отмеченными секциями и подсекциями.

– Давай разделимся, – предложил Элиас. – Я изучу материалы, непосредственно связанные с Исходом Земли. Ты сосредоточься на культурных аспектах и религиозных интерпрета-

циях того периода – возможно, найдёшь больше информации о Кодексе Джарамуна и его связи с Культурой Откровения.

Лира кивнула, соглашаясь с планом.

– Встретимся здесь через два часа, чтобы обменяться находками, а затем отправимся на встречу с Соломоном.

Они разошлись, и Элиас направился в секцию исторических хроник. Здесь, среди стеллажей с древними книгами и голографических проекций исторических документов, он мог наконец погрузиться в поиск информации о загадочном Протоколе Возрождения.

Он начал с общих материалов об Исходе Земли. Официальная история, представленная в большинстве источников, говорила о медленном, постепенном процессе эвакуации планеты из-за экологических проблем, истощения ресурсов и социальной нестабильности. Согласно этим источникам, последние представители человечества покинули Землю организованно, установив мемориальные маяки на орбите в качестве памятника колыбели цивилизации.

Однако Элиас искал неофициальные версии, альтернативные интерпретации, загадочные пробелы в хронологии. Он методично проверял источник за источником, используя свою фотографическую память и способность к сверхбыстрому чтению – ещё одно преимущество нейронных модификаций архивариуса.

Через час поисков он наткнулся на интересный документ – научный журнал некоего доктора Алана Серафима, датированный примерно за сто лет до официальной даты завершения Исхода. Журнал был отсканирован с оригинального бумажного документа и содержал многочисленные рукописные заметки на полях.

Элиас начал читать, и вскоре его внимание привлекли несколько странных упоминаний:

"Проект 'Л' прогрессирует быстрее, чем ожидалось. Квантовые флуктуации стабилизировались в пределах расчётных параметров. Первые тесты на микромасштабном уровне показали многообещающие результаты. Совет настаивает на ускорении графика ввиду прогрессирующего распространения Фиолетовой Зоны."

И далее:

"Этические дебаты продолжаются, но времени для философствования не осталось. Фиолетовая Зона расширилась ещё на 200 км за последнюю неделю. Прогнозы неутешительны – при текущей скорости распространения вся планета будет охвачена в течение 5-7 лет. 'В' настаивает на полномасштабной активации, несмотря на риски. Возможно, он прав. Что нам терять, кроме реальности, которая и так обречена?"

Фиолетовая Зона? Проект "Л"? Возможно ли, что "Л" означало "Лазарь" – альтернативное название Протокола Возрождения, упомянутое Септимусом?

Элиас продолжил чтение, и его подозрения усилились, когда он наткнулся на следующую запись:

"Сегодня 'В' представил полную теоретическую модель Протокола. Это... невероятно. Если расчёты верны, мы действительно можем создать стабильную квантовую матрицу для переноса информационных паттернов нашей реальности. Фактически, создать новую вселенную, основанную на параметрах нашей собственной, но без фундаментальной нестабильности, вызывающей Фиолетовый Сдвиг."

Но цена... Боже мой, какая цена. 'В' утверждает, что процесс неизбежно приведёт к ускоренному коллапсу нашей вселенной. Мы буквально будем разрушать наш дом, чтобы построить новый. Это этично? Это вообще наше право? Но альтернатива – медленная смерть от Фиолетового Сдвига. По крайней мере, Протокол даёт шанс на продолжение, пусть и в другой форме."

Элиас замер, осознавая значение прочитанного. Если этот документ был подлинным, он подтверждал теорию о том, что Протокол Возрождения был технологией для создания новой вселенной в ответ на какую-то катастрофическую угрозу для старой – этот загадочный "Фиолетовый Сдвиг" или "Фиолетовая Зона".

И, что самое тревожное, документ подтверждал, что активация Протокола должна была ускорить коллапс исходной вселенной. Если этот Протокол был действительно активирован, и их нынешняя реальность была результатом его работы... что это значило для них? Были ли они в каком-то смысле живущими в искусственно созданной копии оригинальной вселенной?

Философские и экзистенциальные вопросы, поднимаемые этой возможностью, были огромны. Но сейчас Элиаса больше интересовали практические аспекты – кто этот "В", руководивший проектом? Где проводились эксперименты? И самое главное – была ли технология Протокола сохранена где-то в их нынешней реальности?

Он продолжил поиски, надеясь найти больше упоминаний о докторе Серафиме или его коллегах. Через некоторое время ему удалось обнаружить краткую биографическую справку:

"Доктор Алан Серафим (2347-2401) – ведущий квантовый физик и космолог, работавший в Гималайском Исследовательском Центре в последние годы существования земной цивилизации. Специализировался на теории множественных вселенных и квантовой трансмиграции информации. Автор новаторских работ по стабилизации квантовых сингулярностей. Последние годы жизни посвятил засекреченному проекту, детали которого остаются неизвестными. Считается, что покинул Землю с последней волной эвакуации, однако документальных подтверждений этому не сохранилось."

Гималайский Исследовательский Центр. Это согласовывалось с изображением, найденным в кристалле памяти Септимуса – фотографией комплекса "Лазарь" в Гималаях.

Элиас был настолько поглощён своими находками, что едва заметил, как прошли два часа. Только сигнал его персонального хронометра вывел его из состояния глубокой сосредоточенности. Скопировав все найденные материалы на свой квантовый планшет, он направился к месту встречи с Лирой.

Она уже ждала его, её лицо выражало возбуждение, говорящее о том, что и её поиски не были безрезультатными.

– Элиас! – воскликнула она, увидев его. – Ты не поверишь, что я нашла!

– Возможно, поверю, – ответил он с лёгкой улыбкой. – У меня тоже есть интересные находки. Но давай обсудим их по дороге на встречу с Соломоном Хрониклом. Время поджидает.

Они направились к выходу из библиотеки, обмениваясь информацией о своих открытиях. Лира обнаружила несколько древних текстов, связывающих Кодекс Джарамуна с таинственной сектой, существовавшей на Земле в последние годы перед Исходом. Эта секта, называвшая себя "Хранителями Пробуждения", имела поразительное сходство с более поздним Культот Откровения.

– Согласно этим текстам, – объясняла Лира, пока они спускались на лифте, – "Хранители" верили, что конец света неизбежен, но может стать началом нового, лучшего мира. Они говорили о "перерождении реальности" и "переносе сущности бытия в новый сосуд". Всё это удивительно похоже на концепции, связанные с Протоколом Возрождения.

– Это согласуется с моими находками, – кивнул Элиас и поделился информацией о журнале доктора Серафима и загадочном "Фиолетовом Сдвиге".

– Фиолетовый Сдвиг, – задумчиво повторила Лира. – Это напоминает мне изображение из кристалла Септимуса – Землю с фиолетовыми пятнами на поверхности. Возможно, это было визуальное проявление той фундаментальной нестабильности, о которой писал Серафим?

– Весьма вероятно, – согласился Элиас. – Вопрос в том, была ли эта нестабильность естественным процессом или результатом какого-то эксперимента, пошедшего не так?

– И кто этот загадочный "В", руководивший проектом? – добавила Лира.

– На это у меня пока нет ответа, – признал Элиас. – Но, возможно, Соломон Хроникл сможет пролить свет на эти вопросы. Как специалист по Исходу, он должен быть знаком с различными теориями и источниками, которые могли не попасть в общедоступные архивы.

Они вышли из Центральной Библиотеки и направились к небольшому кафе на противоположной стороне площади – месту, где Лира договорилась встретиться с Соломоном. По пути Элиас не переставал сканировать окружающее пространство, ища признаки слежки или потенциальной угрозы. Но Новая Александрия была огромным, шумным миром, и выявить конкретную опасность среди тысяч разумных существ было практически невозможно.

Кафе "Александрийский свиток" оказалось уютным заведением, стилизованным под древние библиотеки Земли. Деревянные столы, книжные полки вдоль стен, приглушённый свет от стилизованных под старинные лампы светильников – всё создавало атмосферу спокойной учёности.

Они выбрали столик в углу, откуда хорошо просматривался весь зал и вход. Элиас сел спиной к стене, инстинктивно занимая позицию, дающую тактическое преимущество в случае опасности.

– Как мы узнаем Соломона? – спросил он у Лиры.

– Я отправила ему наши визуальные данные, а он прислал свои, – ответила она, активируя голографическую проекцию над своим планшетом.

Перед ними возникло изображение мужчины средних лет с короткими седеющими волосами и пронизательными серыми глазами. Его лицо выражало типичную для академика смесь усталости и любопытства.

– Он должен прибыть в течение пяти минут, – добавила Лира, проверяя время.

Они заказали напитки – синтетический чай, популярный на Новой Александрии за его стимулирующие мыслительные процессы свойства. Элиас едва сделал первый глоток, когда его внимание привлекло движение у входа в кафе.

В дверях появился человек, точно соответствующий голографическому изображению Соломона Хроникла. Он быстро осмотрел помещение и, заметив Лиру, направился к их столику.

– Доктор Нео-Мнемозина? – спросил он, приближаясь. – Рад наконец встретиться лично. Ваши работы по культурной трансмиссии в ранний период колонизации были чрезвычайно полезны для моих исследований.

Лира поднялась, приветствуя его.

– Доктор Хроникл, благодарю за комплимент. Позвольте представить моего коллегу, доктора Элиаса Мнемоника.

Элиас также встал, оценивающе глядя на историка. Соломон Хроникл выглядел как типичный академик – немного рассеянный, но с острым, любопытным взглядом. Он был одет в традиционную мантию историка Галактического Университета – тёмно-синюю, с серебряной отделкой, указывающей на высокий академический ранг.

– Доктор Мнемоник, – Соломон протянул руку для формального приветствия. – Признаюсь, я не знаком с вашими работами, что удивительно, учитывая мою специализацию. В какой области вы проводите исследования?

Элиас пожал протянутую руку, отметив крепкое, уверенное рукопожатие – нетипичное для стереотипного учёного.

– Я специализируюсь на метафизических аспектах исторических процессов, – ответил он, используя подготовленную легенду. – Особенно меня интересует влияние космологических концепций на развитие ранних колоний.

– Захватывающая область, – кивнул Соломон, присаживаясь за их столик. – Пересечение материальной истории и философских концепций всегда давало интересные результаты. Но, должен признаться, меня интригует внезапный интерес двух уважаемых академиков к периоду Исхода. Особенно учитывая некоторую... туманность формулировок в вашем запросе, доктор Нео-Мнемозина.

Его глаза остро смотрели на Лиру, и Элиас почувствовал, что за внешностью рассеянного учёного скрывается острый, аналитический ум.

– Наш интерес вызван недавними находками, которые могут пролить новый свет на финальную фазу Исхода, – осторожно ответила Лира. – В частности, нас интересуют проекты, разрабатывавшиеся в Гималайском Исследовательском Центре в последние годы существования земной цивилизации.

Соломон замер, его взгляд стал ещё более пронзительным.

– Гималайский Центр, – медленно произнёс он. – Интересно. Это одна из самых малоизученных страниц истории Исхода. Официальные архивы содержат минимум информации о работе Центра, особенно о последних пяти годах его существования. – Он наклонился ближе. – Что именно вы нашли?

Элиас и Лира обменялись быстрыми взглядами, безмолвно согласовывая, сколько информации они готовы раскрыть. Наконец, Элиас решился.

– Мы обнаружили упоминания о проекте под кодовым названием "Лазарь" или "Протокол Возрождения", – сказал он, внимательно наблюдая за реакцией Соломона. – А также о явлении, известном как "Фиолетовый Сдвиг".

Реакция историка была мгновенной и недвусмысленной. Его глаза расширились, лицо побледнело, а рука, державшая чашку с напитком, слегка задрожала.

– Где... – он понизил голос до шёпота, – где вы нашли эту информацию?

– В различных источниках, – уклончиво ответил Элиас. – Некоторые из них не входят в общедоступные каталоги.

Соломон огляделся, будто проверяя, не подслушивает ли кто-то их разговор, затем снова наклонился к ним.

– Это не тема для публичного обсуждения, – прошептал он. – Если вы действительно нашли информацию о Протоколе Возрождения, вы можете быть в опасности. Есть... организации, которые очень не хотят, чтобы эта информация стала известна.

– Какие организации? – спросила Лира, хотя они с Элиасом уже догадывались об ответе.

– Культ Откровения, – ответил Соломон. – Или, как они называли себя на Земле, "Хранители Пробуждения". Они существуют уже тысячи лет, трансформируясь и адаптируясь, но сохраняя свою основную цель – контроль над знаниями о Протоколе.

– Зачем? – спросил Элиас. – Что такого в этом Протоколе, что делает его столь важным для них?

Соломон горько усмехнулся.

– Всё. Абсолютно всё. Протокол Возрождения – это не просто научный проект или эксперимент. Это технология, способная пересоздать вселенную. И, согласно некоторым теориям, наша нынешняя реальность – результат его активации.

Он сделал паузу, давая им осмыслить сказанное, затем продолжил:

– Но мы не можем говорить об этом здесь. У меня есть доступ к защищённой лаборатории в Галактическом Университете. Там мы сможем обсудить всё более детально и безопасно. И... – он посмотрел на небольшую сумку, которую Элиас нёс с собой, где хранился кристалл памяти Септимуса, – если у вас есть какие-то физические доказательства или артефакты, связанные с Протоколом, я могу помочь с их анализом.

Элиас задумался. Соломон Хроникл явно знал больше, чем они ожидали, и его реакция на упоминание Протокола выглядела искренней. Но можно ли ему доверять? Не связан ли он сам с теми, кто охотится за этой информацией?

– Прежде чем мы согласимся, – сказал Элиас, – мы хотели бы знать больше о вашем интересе к этой теме. Почему вы, историк, специализирующийся на колониальном периоде, так хорошо осведомлены о секретном проекте последних дней Земли?

Соломон вздохнул, его лицо отразило внутреннюю борьбу.

– Это... личное, – наконец сказал он. – Мои исследования начались как академический интерес, но переросли в нечто большее, когда я обнаружил, что мои предки могли быть связаны с Гималайским Центром. – Он сделал паузу. – Я потратил почти тридцать лет, пытаюсь собрать фрагменты информации о Протоколе Возрождения. Не для публикации, не для академической славы, а для понимания того, что на самом деле произошло с Землёй. Почему она была оставлена. И... что стало с теми, кто работал над Протоколом.

В его голосе звучала искренность, которая заставила Элиаса немного смягчиться. Он обменялся взглядом с Лирой, и она едва заметно кивнула.

– Хорошо, – сказал Элиас. – Мы посетим вашу лабораторию. Но с одним условием – мы не передаём вам никаких артефактов или данных до тех пор, пока полностью не убедимся в вашей непричастности к тем, кто пытается уничтожить эту информацию.

– Справедливо, – согласился Соломон. – Я бы поступил так же на вашем месте. – Он встал из-за стола. – Моя лаборатория находится в Западном кампусе Галактического Университета. Мы можем отправиться туда прямо сейчас, если вы готовы.

Элиас и Лира поднялись, готовые следовать за историком. Но прежде чем они успели покинуть кафе, внимание Элиаса привлекло движение у входа. Трое посетителей, только что вошедших в заведение, двигались слишком целенаправленно и синхронно для обычных клиентов. Их взгляды быстро сканировали помещение, явно кого-то выискивая.

– У нас компания, – тихо сказал Элиас, незаметно кивая в сторону входа. – Трое у двери. Похоже, они кого-то ищут.

Соломон бросил быстрый взгляд в указанном направлении и побледнел ещё сильнее.

– Культисты, – прошептал он. – Я узнаю их по движениям и имплантам в области висков. Нам нужно уходить. Немедленно.

– Есть другой выход? – спросил Элиас, его тело уже напряглось, готовое к возможному конфликту.

– Через кухню, – ответил Соломон. – Следуйте за мной и не привлекайте внимания.

Они начали движение к задней части кафе, стараясь выглядеть как можно более естественно. Но было уже поздно – один из вошедших заметил их и что-то негромко сказал своим спутникам. Все трое одновременно повернулись в их сторону и начали приближаться.

– Они нас заметили, – процедил Элиас. – План Б.

– Какой план Б? – спросил Соломон, заметно нервничая.

– Бежим, – ответила Лира и, не дожидаясь реакции историка, схватила его за руку и потянула к кухне.

Элиас прикрывал их отступление, оставаясь между ними и преследователями. Он видел, как культисты ускорили шаг, один из них поднёс руку к виску, активируя какой-то имплант – вероятно, коммуникационное устройство.

Они ворвались в кухню, вызвав удивлённые возгласы персонала. Соломон уверенно повёл их между столами с готовящейся едой к неприметной двери в дальнем углу.

– Сюда! – крикнул он. – Это служебный выход!

Дверь вела в узкий технический коридор, заполненный трубами и кабелями. Они быстро двинулись по нему, слыша за спиной звуки погони – культисты уже вломились в кухню, игнорируя протесты работников.

– Куда мы направляемся? – спросил Элиас, не сбавляя темпа.

– К транспортным платформам, – ответил Соломон, тяжело дыша. Несмотря на академический образ жизни, он оказался на удивление быстрым и выносливым. – Если доберёмся до них, сможем затеряться в транспортной системе города.

Коридор вывел их на оживлённую улицу с противоположной стороны квартала. Соломон без колебаний повёл их вправо, лавируя между прохожими. Элиас оглянулся и увидел, что преследователи уже выбрались из коридора и настигают их, расталкивая людей на своём пути.

– Они не отстают, – сообщил он. – И, похоже, не особо заботятся о том, чтобы оставаться незаметными.

– Транспортные платформы за следующим поворотом, – задыхаясь, произнёс Соломон. – Если успеем запрыгнуть в аэробус, у нас будет шанс!

Они свернули за угол и увидели широкую платформу, парящую над городом. Несколько аэробусов – огромных прозрачных капсул, способных вместить до сотни пассажиров – стояли у посадочных доков. Один из них как раз готовился к отправлению, его двери начинали закрываться.

– Туда! – крикнул Соломон, указывая на отправляющийся аэробус.

Они ускорились, преодолевая последние метры до платформы. Элиас слышал за спиной тяжёлое дыхание преследователей – те были уже совсем близко.

Двери аэробуса почти закрылись, когда они достигли его. Лира проскользнула в узкую щель первой, за ней Соломон. Элиас замешкался на мгновение, чтобы увидеть, насколько близко преследователи.

Один из культивистов был уже в нескольких шагах, его рука потянулась к поясу, где Элиас заметил контуры какого-то оружия. Не дожидаясь, пока тот успеет достать его, Элиас прыгнул в закрывающиеся двери аэробуса, протиснувшись в последнюю секунду.

Двери с шипением закрылись за его спиной, и аэробус тут же отошёл от платформы. Через прозрачные стены они видели, как культивисты выбежали на платформу, но было поздно – транспорт уже набирал высоту, направляясь к другому району города.

– Это было близко, – выдохнула Лира, опираясь на поручень. – Слишком близко.

– Но как они нас нашли? – спросил Соломон, его лицо всё ещё было бледным от напряжения. – Я не говорил никому о нашей встрече.

– Возможно, они следили за вами, – предположил Элиас. – Или за нами. В любом случае, теперь они точно знают, что мы здесь и чем интересуемся.

– Это меняет наши планы, – серьёзно сказал Соломон. – Моя лаборатория больше не безопасна. Если они знают обо мне, то знают и о ней.

– Куда направляется этот аэробус? – спросила Лира, глядя в окно на проплывающий внизу город.

– В Восточный академический квартал, – ответил Соломон. – Там расположен один из кампусов Галактического Университета, но не тот, где моя лаборатория.

– Хорошо, – кивнул Элиас. – Мы выйдем там и решим, что делать дальше. Но сначала... – он повернулся к Соломону, – вы должны рассказать нам всё, что знаете о Протоколе Возрождения и о том, почему Культ Откровения так отчаянно пытается уничтожить эту информацию.

Соломон огляделся, убеждаясь, что другие пассажиры не проявляют к ним интереса, затем тихо заговорил:

– То, что я знаю, фрагментарно и во многом основано на теориях и косвенных доказательствах. Но если я прав... – он сделал глубокий вдох, – то Протокол Возрождения был не просто научным проектом. Это была попытка спасти само существование разумной жизни перед лицом неизбежного конца вселенной.

Глава 5: Город книг

Аэробус плавно скользил между кристаллическими башнями Новой Александрии, унося Элиаса, Лиру и их нового союзника – или, возможно, противника – Соломона Хроникла от преследователей. Через прозрачные стены транспорта открывался захватывающий вид на город-библиотеку: бесконечные ряды зданий, связанных сетью мостов и транспортных магистралей, огромные открытые площади с голографическими проекциями книг и манускриптов, парящие сады с редкими растениями со всей галактики.

Но Элиас едва замечал эту красоту. Его внимание было сосредоточено на Соломоне, который, понизив голос до шёпота, продолжал свой рассказ о Протоколе Возрождения.

– Согласно моим исследованиям, – говорил историк, – примерно за тридцать лет до официального завершения Исхода Земли группа учёных Гималайского Исследовательского Центра обнаружила фундаментальную нестабильность в структуре вселенной. Эта нестабильность проявлялась как странное квантовое явление, которое они назвали "Фиолетовым Сдвигом" – области пространства-времени, где законы физики начинали... искажаться.

– Искажаться каким образом? – спросила Лира, полностью захваченная рассказом.

– Трудно описать точно, – Соломон потёр переносицу, подбирая слова. – По сохранившимся фрагментарным данным, внутри этих зон материя и энергия начинали вести себя непредсказуемо. Квантовые вероятности, которые обычно схлопываются в одно состояние при наблюдении, оставались в суперпозиции. Информация, закодированная в структуре материи, начинала... распадаться.

– Как квантовая энтропия? – предположил Элиас.

– Нечто похожее, но более фундаментальное, – кивнул Соломон. – Будто сама ткань реальности изнашивалась. Первые зоны Фиолетового Сдвига были обнаружены в отдалённых регионах космоса, но вскоре они начали появляться и на Земле. Сначала крошечные, размером с молекулу, затем больше – с клетку, с яблоко, с дом...

Он сделал паузу, глядя в окно на проплывающий внизу город.

– К 2390-м годам по старому летоисчислению на Земле существовали целые регионы, охваченные Фиолетовым Сдвигом. Они были карантинированы, но зоны продолжали расширяться. Проект "Лазарь" – или Протокол Возрождения, как он был позже переименован – был создан как отчаянная попытка найти решение.

– И этим решением стало создание новой вселенной? – уточнил Элиас.

– Именно, – подтвердил Соломон. – Команда учёных во главе с доктором Виктором Возрождением – да, это его настоящая фамилия, от которой и пошло название протокола – разработала теорию, согласно которой можно создать "семья" новой вселенной, закодирав в нём информационные паттерны существующей реальности.

– Подождите, – прервала его Лира. – Вы сказали "Виктор Возрождение"? Тот самый загадочный "В" из журнала доктора Серафима?

– Вы знаете о журнале Серафима? – удивлённо посмотрел на неё Соломон. – Это... впечатляет. Я потратил годы, чтобы получить доступ к этим данным. Но да, В" – это Виктор. Он был гением, опередившим своё время. Его теории о квантовой информации и структуре реальности легли в основу Протокола.

– Что конкретно представлял собой этот Протокол? – спросил Элиас, пытаясь получить более конкретную информацию.

Соломон огляделся, проверяя, не подслушивает ли кто-то их разговор, затем ещё больше понизил голос:

– Технические детали мне известны лишь частично. Насколько я понимаю, они создали квантовый суперкомпьютер невероятной мощности, способный моделировать базовые параметры новой вселенной. Затем, используя особые кристаллические структуры – "квантовые семена" – они закодировали в них информационные паттерны существующей реальности: законы физики, константы, базовые структуры материи и энергии.

– А что с разумной жизнью? – спросила Лира. – Информационные паттерны сознания, культуры, истории?

– Вот здесь начинается самое интересное, – оживился Соломон. – И самое спорное. По некоторым источникам, Протокол включал механизм "трансмиграции сознания" – способ перенести не только абстрактные шаблоны разумной жизни, но и конкретные сознания, личности, воспоминания.

– Но это... – Элиас замолчал, осмысливая масштаб такой технологии. – Это означало бы, что некоторые существа в нашей вселенной могут быть прямыми "информационными потомками" существ из предыдущей реальности?

– Именно так, – кивнул Соломон. – И вот почему Культ Откровения так отчаянно пытается контролировать эту информацию. Согласно их верованиям, те, кто были напрямую перенесены Протоколом – те, кого они называют "Пробуждёнными" – обладают особым статусом в новой реальности. Они считают их почти божественными существами, творцами нового мира.

– И кто эти "Пробуждённые"? – спросил Элиас, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

– Это самый охраняемый секрет Кюльта, – ответил Соломон. – По некоторым теориям, это могли быть ключевые учёные проекта "Лазарь". По другим – избранные представители различных областей человеческой деятельности, чьи знания и таланты считались необходимыми для успешного развития новой цивилизации. Но есть и более радикальные версии...

Он снова замолчал, будто не решаясь продолжить.

– Какие версии? – настойчиво спросила Лира.

– Что "Пробуждённые" – это вообще не люди, – почти шёпотом ответил Соломон. – А искусственные интеллекты, созданные специально для управления процессом формирования новой вселенной. Сущности, существующие на границе между информацией и сознанием, способные манипулировать самой структурой реальности.

Элиас и Лира обменялись тревожными взглядами. Если эта теория была верна, последствия для их понимания реальности были колоссальными.

– Всё это звучит невероятно, – осторожно сказал Элиас. – Какие у вас доказательства того, что Протокол действительно был активирован, что наша вселенная – результат его работы?

– Прямых доказательств немного, – признал Соломон. – Но есть косвенные свидетельства. Например, странные "квантовые артефакты" – объекты, чьи свойства нарушают известные законы физики. Их находят в различных частях галактики, особенно в древних руинах, связанных с ранними периодами колонизации. И есть... аномалии в структуре пространства-времени, особенно вокруг некоторых пульсаров и чёрных дыр, которые могут быть интерпретированы как "швы" между старой и новой реальностями.

– А что случилось с Землёй? – спросила Лира. – С оригинальной Землёй, я имею в виду. Если Протокол был активирован, чтобы спасти человечество от Фиолетового Сдвига...

– Это один из главных вопросов, на который у меня нет чёткого ответа, – вздохнул Соломон. – По некоторым теориям, активация Протокола ускорила распространение Фиолетового Сдвига, приведя к быстрому коллапсу оригинальной Земли и, возможно, всей солнечной системы. По другим – оригинальная Земля всё ещё существует в какой-то форме, но в другой реальности, параллельной нашей.

Их разговор прервал мелодичный сигнал, оповещающий о приближении к станции. Аэробус начал снижаться, направляясь к посадочной платформе Восточного академического квартала.

– Мы продолжим этот разговор в более безопасном месте, – сказал Соломон, поднимаясь. – У меня есть доступ к защищённой комнате в архивах Института Древней Истории. Там нас не найдут, по крайней мере, некоторое время.

Аэробус плавно остановился у платформы, и двери открылись. Пассажиры начали выходить, среди них и наши герои. Элиас внимательно осматривал платформу и прилегающую территорию, ища признаки опасности, но ничего подозрительного не заметил.

Восточный академический квартал был менее оживлённым, чем центральная часть города. Здания здесь были ниже, с большим количеством открытых пространств и садов. Студенты и преподаватели в мантиях различных факультетов неторопливо перемещались между корпусами, создавая атмосферу спокойной учёности.

– Институт Древней Истории находится в северной части квартала, – сказал Соломон, указывая на комплекс зданий в классическом стиле. – Нам туда. Держитесь естественно, не привлекайте внимания.

Они двинулись по широкой аллее, обсаженной деревьями с фиолетовой листвой. Элиас продолжал сканировать окружение, но пока всё выглядело спокойно.

– Как давно вы исследуете Протокол Возрождения? – спросил он Соломона, пытаясь получить больше информации о потенциальном союзнике.

– Почти тридцать лет, – ответил историк. – Всё началось с обнаружения странного артефакта в архивах моей семьи – кристалла, содержащего фрагменты записей моего предка, который, как я позже выяснил, работал в Гималайском Центре. С тех пор я пытаюсь собрать полную картину, но информация разрознена и часто противоречива.

– И вы никогда не сталкивались с Культурой Откровения до сегодняшнего дня? – спросила Лира, в её голосе звучало лёгкое недоверие.

Соломон бросил на неё острый взгляд.

– Сталкивался, и не раз. Обычно они действуют тоньше – блокируют доступ к архивам, "теряют" важные документы, дискредитируют исследователей, интересующихся темой. Открытая погоня среди бела дня – это новый уровень агрессии. Что заставляет меня думать... – он внимательно посмотрел на Элиаса, – что у вас есть что-то исключительно ценное. Что-то, что напугало их настолько, что они готовы рискнуть публичным скандалом.

Элиас не ответил, но его рука непроизвольно коснулась сумки, где хранился кристалл памяти Септимуса.

Они подошли к Институту Древней Истории – комплексу из пяти соединённых зданий, окружающих центральный двор с фонтаном. Архитектура напоминала древнегреческие храмы, но с современными элементами – прозрачными куполами, парящими платформами, голографическими проекциями исторических сцен.

Соломон уверенно провёл их через главный вход, кивнув охраннику, который, узнав его, просто отсалютовал в ответ. Они миновали просторный холл с экспозицией артефактов древних цивилизаций и направились к лифтам в дальней части здания.

– Архивы находятся на подземных уровнях, – пояснил Соломон, вызывая лифт. – Там безопаснее всего. Стены экранированы от большинства известных методов наблюдения, а доступ строго контролируется.

Лифт быстро спустил их на несколько уровней вниз. Двери открылись, и они оказались в длинном коридоре с многочисленными дверями по обеим сторонам. Соломон уверенно повёл их к одной из них в самом конце коридора.

– Это моя личная исследовательская комната, – сказал он, прикладывая руку к сканеру доступа. – Я использую её для работы с особо ценными или конфиденциальными материалами.

Дверь бесшумно открылась, и они вошли в небольшое, но хорошо оборудованное помещение. Центральный стол с голографической проекционной системой, несколько рабочих консолей, стеллажи с физическими книгами и артефактами, защищённый сейф в углу – всё говорило о серьёзной исследовательской работе.

Соломон активировал дополнительные системы безопасности, и стены комнаты слегка засветились голубоватым светом – признак активации защитного поля.

– Теперь мы можем говорить свободно, – сказал он, поворачиваясь к гостям. – Эта комната полностью изолирована. Ни один сигнал не проходит сквозь защитное поле, никакое устройство наблюдения не может функционировать внутри.

Элиас медленно обошёл комнату, изучая оборудование и артефакты. Его внимание привлекла странная кристаллическая структура в прозрачном контейнере – многогранник с пульсирующим внутренним светом, испускающий слабое фиолетовое сияние.

– Это... – начал он.

– Один из квантовых артефактов, о которых я говорил, – кивнул Соломон. – Найден в руинах ранней колонии на Проксиме Центавра б. Его структура нарушает известные законы квантовой физики – он существует одновременно в нескольких квантовых состояниях, даже при активном наблюдении.

– Невероятно, – прошептала Лира, подойдя ближе к контейнеру. – Это действительно похоже на... осколок другой реальности.

– Именно так я его и интерпретирую, – согласился Соломон. – Фрагмент оригинальной вселенной, перенесённый Протоколом в нашу реальность.

Он подошёл к центральному столу и активировал голографическую систему. Над столом возникла трёхмерная проекция Земли – не такой, какой она изображалась в исторических записях, а искажённой, с огромными фиолетовыми пятнами, покрывающими значительную часть поверхности.

– Это реконструкция Земли незадолго до завершения Исхода, основанная на фрагментарных данных из различных источников, – пояснил Соломон. – Фиолетовые области – зоны Сдвига. Как видите, они охватывали уже около 30% поверхности планеты.

Изображение сменилось, показывая комплекс зданий, частично встроенных в горный склон. Элиас узнал его – тот же комплекс был изображён на фотографии из кристалла памяти Септимуса.

– Гималайский Исследовательский Центр, – подтвердил Соломон. – Последний оплот проекта "Лазарь". Именно здесь был разработан и, предположительно, активирован Протокол Возрождения.

Следующее изображение показывало интерьер лаборатории с массивной кристаллической структурой в центре, окружённой сложным оборудованием. Вокруг структуры располагались кресла, напоминающие медицинские, но с множеством проводов и датчиков.

– "Сердце Лазаря", – с благоговением произнёс Соломон. – Центральный узел всего проекта. Кристаллическая матрица, способная генерировать и стабилизировать квантовую сингулярность – "семя" новой вселенной. А кресла – интерфейсы для "трансммиграции сознания", позволяющие перенести информационные паттерны личности в новую реальность.

– Откуда у вас эти изображения? – спросил Элиас, пораженный детализацией и спецификой информации.

– Из различных источников, – уклончиво ответил Соломон. – Некоторые из архивов Федерации, некоторые... из более неофициальных каналов. Я собирал эту информацию десятилетиями, по крупицам.

Он выключил голографическую проекцию и повернулся к гостям.

– Теперь ваша очередь. Что привело двух учёных к этой опасной теме? И что именно у вас есть, что так напугало Культ?

Элиас и Лира обменялись взглядами. Следовало ли доверять Соломону? У них не было гарантий его лояльности, но и выбора особого не оставалось. Если они хотели продвинуться в расследовании, им нужна была помощь кого-то, кто уже погружен в тему Протокола Возрождения.

Элиас решил.

– Мы не совсем те, за кого себя выдаём, – начал он. – Я – Элиас Мнемоник, архивариус MNEMOSYNE-9. А это Лира Нео-Мнемозина, архивариус CALLIOPE-12.

Глаза Соломона расширились от шока.

– Архивариусы? Настоящие архивариусы? – он выглядел потрясённым. – Но... архивариусы не покидают своих станций. Не контактируют с внешним миром. Не...

– Обстоятельства исключительные, – прервала его Лира. – Архив CLIO-3 был атакован. Архивариус Септимус Хроникл убит. Неизвестные использовали технологию квантового

выжигания для целенаправленного уничтожения всех данных, связанных с Протоколом Возрождения.

Соломон медленно опустился в кресло, потрясённый этой информацией.

– Убит? Архивариус? Это... невозможно. Архивы неприкосновенны. Таков древнейший закон...

– Который был нарушен, – жёстко сказал Элиас. – Я лично видел разрушения и держал умирающего Септимуса на руках. Перед смертью он передал мне это.

Элиас достал из сумки кристалл памяти Септимуса и положил его на стол. Кристалл слабо пульсировал внутренним светом, его многогранная структура отражала и преломляла освещение комнаты.

Соломон смотрел на кристалл с благоговейным трепетом.

– Кристалл памяти архивариуса, – прошептал он. – Я никогда... Эти устройства легендарны. Говорят, они содержат больше информации, чем все библиотеки Новой Александрии вместе взятые.

– Не совсем так, – поправила его Лира. – Этот конкретный кристалл содержит лишь фрагменты данных, которые Септимус успел сохранить перед смертью. В основном, информацию о Протоколе Возрождения, которую пытались уничтожить нападавшие.

– Но даже эти фрагменты бесценны, – продолжил Элиас. – Они содержат доказательства существования Протокола и намёки на его истинную природу. К сожалению, наиболее важные данные защищены биометрической системой, требующей нейронный паттерн Септимуса для полного доступа.

Соломон задумчиво смотрел на кристалл.

– Я могу помочь с анализом, – наконец сказал он. – У меня есть специализированное оборудование для работы с древними квантовыми носителями информации. Оно не сравнится с технологиями архивов, но может быть полезным.

– А что с биометрической защитой? – спросила Лира.

– Это сложнее, – признал Соломон. – Но... возможно, у меня есть идея. В Институте Нейронаук есть технология для анализа и частичной реконструкции нейронных паттернов. Если у вас есть какие-то данные о нейронной структуре Септимуса, мы могли бы попытаться создать приближённую модель.

– У нас нет таких данных, – покачал головой Элиас. – Но у нас есть другой подход. Лира предложила объединить наши нейронные паттерны. Архивариусы проходят схожие генетические и нейронные модификации, и наши комбинированные паттерны могут быть достаточно близки к паттерну Септимуса, чтобы обойти защиту.

Соломон выглядел впечатлённым.

– Смелое решение. И технически осуществимое. Я могу организовать доступ к оборудованию для такой процедуры. Но это рискованно – объединение нейронных паттернов может иметь непредсказуемые последствия.

– Мы осознаём риски, – кивнула Лира. – Но информация в кристалле может быть критически важной для понимания того, с чем мы имеем дело, и кто стоит за нападениями на архивы.

Соломон некоторое время молчал, обдумывая ситуацию, затем решительно кивнул.

– Хорошо. Я помогу вам. Но сначала давайте проанализируем доступные данные из кристалла. Возможно, мы найдём ключи к разгадке и без рискованных процедур.

Он активировал специальную консоль в углу комнаты и осторожно поместил кристалл памяти в аналитический слот.

– Это займёт некоторое время, – предупредил он. – Технология архивариусов значительно превосходит наши аналитические системы.

Пока консоль работала, обрабатывая данные кристалла, Элиас решил задать вопрос, который беспокоил его с начала их разговора.

– Соломон, вы упомянули, что ваш предок работал в Гималайском Центре. Кем он был? Что вы о нём знаете?

Историк поднял взгляд от консоли, его лицо отразило внутреннюю борьбу.

– Его звали Томас Хроникл, – наконец ответил он. – Он был историком, как и я, но также обладал уникальными когнитивными способностями – фотографической памятью, способностью к обработке огромных объёмов информации. В проекте "Лазарь" он отвечал за документирование и архивирование всех данных. По сути, он был первым архивариусом, хотя тогда этот термин ещё не использовался.

– Первым архивариусом? – Лира не скрывала удивления. – Но согласно нашим записям, каста архивариусов была основана только через несколько тысячелетий после Исхода.

– Официально – да, – кивнул Соломон. – Но идея, концепция архивирования всех знаний человечества родилась именно в Гималайском Центре, в последние дни Земли. Когда стало ясно, что оригинальная вселенная обречена, сохранение информации стало высшим приоритетом.

Он подошёл к сейфу в углу комнаты и, приложив руку к сканеру, открыл его. Из сейфа Соломон достал небольшую шкатулку из тёмного дерева, инкрустированную странными символами.

– Это единственная физическая вещь, доставшаяся мне от предка, – сказал он, осторожно открывая шкатулку.

Внутри лежал маленький кристалл, похожий на кристалл памяти Септимуса, но гораздо более примитивный и, очевидно, древний. Его внутренний свет был тусклым, прерывистым, будто затухающим.

– Это прототип кристалла памяти, – пояснил Соломон. – Один из первых, созданных в Гималайском Центре. Он содержит личный дневник Томаса Хроникла, хотя большая часть данных повреждена или зашифрована способом, который я не смог расшифровать.

Элиас с интересом рассматривал древний артефакт.

– Вы пытались анализировать его с помощью современных технологий?

– Конечно, – кивнул Соломон. – Но результаты были скудными. Технология слишком отличается от современных систем хранения данных. Я смог извлечь лишь фрагменты – несколько записей, некоторые изображения. Но даже эти крупинцы информации были бесценны для моих исследований.

– Могу я взглянуть? – спросила Лира, и Соломон, немного поколебавшись, протянул ей шкатулку с кристаллом.

Лира осторожно взяла кристалл, держа его между большим и указательным пальцами. Её глаза с шестиугольными зрачками сфокусировались на внутренней структуре артефакта.

– Удивительно, – прошептала она. – Этот кристалл действительно похож на наши современные носители, но гораздо примитивнее. Как будто... прототип, первый набросок технологии, которая позже была усовершенствована и стала основой наших архивов.

Она вернула кристалл Соломону, который бережно положил его обратно в шкатулку.

– Что именно вам удалось извлечь из этого кристалла? – спросил Элиас. – Какие данные?

– В основном личные записи, – ответил Соломон. – Томас был... неоднозначно настроен к Протоколу Возрождения. С одной стороны, он понимал необходимость спасения человечества от Фиолетового Сдвига. С другой – его беспокоили этические аспекты создания новой вселенной и особенно процесс отбора тех, кто получит прямой перенос сознания.

– Отбора? – заинтересовалась Лира. – То есть, не все получили такую возможность?

– Конечно, нет, – Соломон покачал головой. – Технология была ограничена. По записям Томаса, прямой перенос сознания был возможен только для нескольких десятков, может быть,

сотен людей. Остальное человечество и другие разумные виды должны были быть перенесены как информационные шаблоны – базовые структуры ДНК, культурные паттерны, технологии. Но не конкретные личности с их воспоминаниями и идентичностью.

– И кто решал, кто получит прямой перенос? – спросил Элиас, уже догадываясь об ответе.

– Консорциум, – ответил Соломон. – Группа высокопоставленных учёных, политиков и военных, контролировавших проект "Лазарь". Они создали алгоритмы для определения "ценности" каждого кандидата, основываясь на их знаниях, навыках, генетическом потенциале.

– Звучит холодно и утилитарно, – заметила Лира с неодобрением.

– Таковы были обстоятельства, – пожал плечами Соломон. – Они стояли перед выбором: спасти хоть кого-то или потерять всех. По записям Томаса, дебаты были жаркими, но времени на философствование не оставалось – Фиолетовый Сдвиг распространялся слишком быстро.

Их разговор прервал сигнал консоли, завершившей первичный анализ кристалла памяти Септимуса.

– Ах, данные готовы, – Соломон повернулся к экрану. – Посмотрим, что нам удалось извлечь.

На экране появилась трёхмерная карта содержимого кристалла – сложная структура из узлов и связей, представляющая организацию данных. Большинство секторов были отмечены зелёным – доступны для чтения, но несколько ключевых узлов светились красным, указывая на активную биометрическую защиту.

– Как и ожидалось, – прокомментировал Соломон. – Самые важные данные защищены. Но и в доступных секторах есть много интересного.

Он начал навигацию по трёхмерной карте, открывая различные информационные узлы. Большинство из них содержали данные, которые Элиас уже видел – фрагменты исторических записей об Исходе Земли, журнал Септимуса, видеозапись нападения на архив.

Но затем Соломон открыл сектор, который Элиас раньше не заметил – небольшой узел, скрытый в глубине структуры данных. Внутри оказалась серия зашифрованных сообщений, обмен между Септимусом и кем-то, подписывавшимся просто как "Наблюдатель".

– Что это? – спросил Элиас, наклоняясь ближе к экрану.

– Похоже на приватную коммуникацию, – ответил Соломон, изучая данные. – Судя по временным меткам, эти сообщения были отправлены и получены за несколько месяцев до нападения на архив.

Он открыл первое сообщение:

"Септимус, я обнаружил нечто тревожное. Архивные записи о Протоколе Возрождения систематически удаляются из всех общедоступных баз данных галактики. Не обычное архивирование или перемещение – полное стирание, без следов. Кто-то очень методично уничтожает саму память о проекте 'Лазарь'. – Наблюдатель"

Ответ Септимуса:

"Это согласуется с моими наблюдениями. В последние десятилетия я заметил странные пробелы в исторических записях CLIO-3, особенно касающихся финальных лет Земли. Поначалу я списывал это на естественную деградацию данных, но теперь... Кто стоит за этим, по твоему? – Септимус"

Ответ Наблюдателя:

"У меня есть подозрения, но без твёрдых доказательств. Следы ведут к Культуре Откровения, но я сомневаюсь, что они действуют в одиночку. Слишком масштабная операция, слишком тщательно спланированная. Кто-то обладает доступом к системам высокого уровня. Кто-то, кого мы не видим. – Наблюдатель"

Следующее сообщение Септимуса было отправлено несколько недель спустя:

"Я нашёл нечто странное в глубинных секциях архива – данные о проекте 'Омега', связанном с Протоколом Возрождения. Судя по фрагментарным записям, это был подпроект, направ-

ленный на создание специальных сущностей – хранителей и регуляторов новой реальности. Не могу найти детальной информации, но упоминается использование продвинутых ИИ как основы для этих сущностей. Что, если 'Пробуждённые', о которых говорит Культ, – это не люди, а искусственные сознания, внедрённые в саму структуру нашей вселенной? – Септимус"

Ответ пришёл почти мгновенно:

"Будь предельно осторожен с этой информацией. Проект 'Омега' – самый охраняемый аспект Протокола. Я годами пытался найти доказательства его существования. Если твои данные верны... это меняет всё. Нужно встретиться лично. Обычные каналы связи могут быть скомпрометированы. – Наблюдатель"

Последнее сообщение в цепочке было от Септимуса, датированное всего за несколько дней до нападения на архив:

"Согласен на встречу. Ситуация ухудшается. Кто-то получил доступ к каталогам архива, используя коды высокого уровня. Они ищут информацию о проекте 'Омега'. Я активировал дополнительные протоколы безопасности и скопировал ключевые данные на отдельный кристалл. Если со мной что-то случится, найди Элиаса Мнемоника из MNEMOSYNE-9. Ему можно доверять. – Септимус"

– Элиас Мнемоник... – Соломон повернулся к архивариусу. – Он знал, что обратится к вам, даже до нападения.

Элиас стоял неподвижно, потрясённый этим открытием. Септимус предвидел опасность. Готовился к ней. И почему-то считал именно его, Элиаса, достойным доверия.

– Кто этот Наблюдатель? – спросила Лира, вглядываясь в экран. – Судя по уровню осведомлённости, он должен занимать высокое положение или иметь доступ к защищённым данным.

– И что такое проект "Омега"? – добавил Элиас. – Ещё один аспект Протокола Возрождения, о котором мы ничего не знаем.

– Проект "Омега"... – задумчиво произнёс Соломон. – Я никогда не встречал этого названия в своих исследованиях. Но концепция искусственных сущностей, внедрённых в структуру реальности, перекликается с некоторыми мифами Кulta Откровения о "Пробуждённых".

Он повернулся к экрану и продолжил навигацию по данным кристалла.

– Здесь должно быть больше информации о проекте "Омега". Септимус упоминал, что скопировал ключевые данные...

Его прервал резкий звук – сигнал тревоги от системы безопасности комнаты.

– Что происходит? – напряжённо спросил Элиас.

Соломон быстро переключился на мониторы безопасности.

– Кто-то пытается получить доступ к этому уровню, – сказал он, наблюдая за изображениями с камер в коридоре. – Они используют институтские коды, но это не сотрудники... по крайней мере, не те, кого я знаю.

На экране появились трое мужчин в форме службы безопасности Института. Они двинулись по коридору, целенаправленно направляясь к их комнате.

– Это не настоящая охрана, – тихо сказал Соломон. – Настоящие охранники никогда не покидают пост на входе группами.

– Культисты, – прошептала Лира. – Но как они нас нашли?

– Не важно как, – отрезал Элиас. – Важно, что нам нужно немедленно уходить. Есть другой выход из этой комнаты?

Соломон кивнул, быстро извлекая кристалл памяти из консоли и возвращая его Элиасу.

– Технический тоннель, – сказал он, подходя к неприметной панели в стене. – Все исследовательские комнаты соединены с сетью обслуживающих коридоров. Изначально они предназначались для инженеров, обслуживающих оборудование, но я модифицировал свой доступ... на всякий случай.

Он приложил руку к панели, и часть стены бесшумно отъехала в сторону, открывая узкий коридор с тусклым аварийным освещением.

– Быстрее, – поторопил Соломон, глядя на мониторы. – У нас меньше минуты.

Ли́ра первой скользнула в тоннель, за ней Элиас. Соломон задержался на мгновение, чтобы активировать какую-то последовательность на консоли, затем поспешил за ними, закрывая за собой тайный вход.

– Я запустил протокол очистки данных, – пояснил он, ведя их по узкому коридору. – Все следы нашего анализа кристалла будут стёрты. Они не узнают, что именно мы обнаружили.

Тоннель был тесным, едва освещённым и явно редко использовался – на полу лежал слой пыли, нарушенный только старыми следами самого Соломона. Они двигались быстро и молча, прислушиваясь к любым звукам погони.

– Куда ведёт этот тоннель? – шёпотом спросил Элиас.

– К служебному выходу на западной стороне комплекса, – так же тихо ответил Соломон. – Оттуда мы сможем добраться до транспортных платформ, не привлекая внимания.

– А потом куда? – спросила Ли́ра. – Они наверняка проверят все общественные места, транспортные узлы, гостиницы...

– У меня есть безопасное место, – сказал Соломон. – Частная резиденция на окраине города. Её нет в официальных реестрах, я использую её для хранения наиболее чувствительных материалов моих исследований.

Они продолжили движение по лабиринту технических тоннелей. Соломон уверенно вёл их, очевидно хорошо зная маршрут. Наконец, они достигли небольшой металлической двери.

– Подождите, – Соломон остановил их жестом. – Нужно убедиться, что снаружи безопасно.

Он активировал небольшой экран рядом с дверью, показывающий изображение с камеры наружного наблюдения. Снаружи был безлюдный служебный двор, заставленный контейнерами для отходов и техническим оборудованием.

– Чисто, – кивнул Соломон и осторожно открыл дверь.

Они вышли во двор и быстро двинулись к небольшим воротам, ведущим на соседнюю улицу. Соломон достал из кармана маленькое устройство и активировал его.

– Скрамблер, – пояснил он, заметив вопросительный взгляд Элиаса. – Создаёт помехи для систем наблюдения. Ненадолго, но должно хватить, чтобы покинуть зону.

Выйдя на улицу, они смешались с толпой студентов и преподавателей, неторопливо перемещающихся между зданиями кампуса. Соломон вёл их обходными путями, избегая основных транспортных артерий и мест с повышенной концентрацией камер наблюдения.

– Насколько опасны эти культисты? – спросил Элиас, пока они быстрым шагом двигались по одной из тихих аллей. – Они готовы на публичное насилие?

– Обычно нет, – ответил Соломон. – Культ Откровения предпочитает действовать тонко, через манипуляции, подкуп, шантаж. Но если на кону стоит информация о проекте "Омега"... я не уверен. Это может быть достаточно важно для них, чтобы нарушить свои обычные протоколы.

– Нам нужна дополнительная защита, – сказала Ли́ра. – Я могла бы связаться с Советом Архивариусов, запросить помощь...

– Нет, – резко прервал её Элиас. – Пока мы не знаем, кто именно стоит за нападениями, мы не можем доверять даже Совету. Вспомни коды доступа, которые использовали нападавшие на СЛЮ-3 – это были архивариусские коды.

Ли́ра неохотно кивнула, признавая его правоту.

Они достигли небольшой транспортной платформы, менее оживлённой, чем центральные узлы. Соломон повёл их к стоянке частных аэрокаров.

– У меня есть личный транспорт, – сказал он, указывая на неприметный аэрокар старой модели. – Не самый быстрый, но надёжный и, что важнее, не подключённый к центральной системе навигации города.

Они сели в аэрокар – Соломон за пульт управления, Элиас и Лира на пассажирские места. Машина плавно поднялась в воздух и влилась в поток транспорта, движущегося над городом.

– Мой дом находится в секторе Эпистема-9, – пояснил Соломон, программируя маршрут. – Это тихий пригородный район, населённый в основном преподавателями и исследователями. Там безопасно и, что важно, мало камер наблюдения.

Аэрокар набрал высоту, и перед ними открылся потрясающий вид на Новую Александрию. С этой высоты город действительно напоминал гигантскую книгу, раскрытую на планетарной поверхности – континенты, разделённые океанами, как страницы, испещрённые строчками городов и транспортных артерий.

– Невероятно, – прошептала Лира, глядя в окно. – Целая планета, посвящённая знаниям.

– Новая Александрия была одним из первых миров, колонизированных после Исхода, – сказал Соломон, не отрываясь от управления. – Изначально она была задумана как резервное хранилище знаний человечества, на случай, если с Землёй что-то случится. Ирония в том, что когда с Землёй действительно "что-то случилось", большая часть критически важных данных так и не была перенесена сюда.

– Потому что настоящая причина Исхода была засекречена, – понимающе кивнул Элиас. – Широкой публике говорили о климатических изменениях и истощении ресурсов, в то время как реальной угрозой был Фиолетовый Сдвиг.

– Именно, – подтвердил Соломон. – И даже тем, кто знал о Сдвиге, не рассказывали о Протоколе Возрождения и его истинной природе. Это знание было ограничено узким кругом учёных и руководителей проекта "Лазарь".

Аэрокар покинул центральные районы города и теперь летел над менее застроенной территорией – элегантными жилыми комплексами, окружёнными садами и искусственными озёрами. Здесь здания были ниже, расположены свободнее, создавая ощущение простора и покоя.

– Почти прибыли, – сказал Соломон, снижая аэрокар. – Моя резиденция прямо впереди.

Он указал на уединённое здание, стоящее на небольшом холме, окружённом густым садом. Архитектура дома сочетала элементы классического стиля с современными материалами – каменное основание, стеклянные стены, кристаллическая крыша, отражающая солнечный свет.

Аэрокар мягко приземлился на небольшой площадке перед домом. Как только они вышли из машины, Соломон активировал на своём запястном устройстве какую-то последовательность, и вокруг периметра дома возникло едва заметное мерцание – признак активации защитного поля.

– Добро пожаловать в мою скромную обитель, – сказал он, ведя гостей к входу. – Здесь мы сможем спокойно проанализировать данные из кристалла и спланировать дальнейшие действия.

Внутри дом оказался настоящим музеем археологических артефактов и редких книг. Просторная гостиная с высоким потолком была заставлена стеллажами с древними манускриптами, витринами с таинственными устройствами и голографическими проекциями исторических сцен. В центре комнаты располагался большой стол с встроенной проекционной системой, окружённый удобными креслами.

– Впечатляюще, – заметила Лира, рассматривая коллекцию. – Некоторые из этих артефактов кажутся... невероятно древними.

– Многие датируются периодом до Исхода, – с гордостью ответил Соломон. – Я собирал эту коллекцию всю жизнь. Некоторые предметы были в моей семье поколениями, другие я приобрёл во время экспедиций или у частных коллекционеров.

Он подошёл к стене и активировал скрытую панель. Часть стены отъехала в сторону, открывая небольшую, но впечатляюще оборудованную лабораторию.

– Моя личная исследовательская станция, – пояснил Соломон. – Здесь мы сможем продолжить анализ кристалла в полной безопасности. Системы изолированы от внешних сетей, а защитное поле дома блокирует любые попытки сканирования или наблюдения.

Элиас достал кристалл памяти Септимуса и осторожно передал его Соломону.

– Прежде чем мы продолжим, – сказал он, – я хотел бы кое-что прояснить. Вы упомянули, что ваш предок, Томас Хроникл, был своего рода прото-архивариусом. Что именно вы знаете о его роли в проекте "Лазарь"? И как эти знания повлияли на ваши собственные исследования?

Соломон помедлил, явно выбирая слова.

– Томас был не просто историком или архивариусом, – наконец сказал он. – По некоторым записям, которые мне удалось расшифровать, он был... ключевой фигурой в проекте "Омега". Именно он предложил концепцию создания специальных существ – хранителей информации, которые могли бы пережить переход между вселенными и сохранить память о прошлом.

Он сделал паузу, глядя на древний кристалл в шкатулке, лежащей на столе.

– Но похоже, что у него были сомнения относительно этической стороны проекта. В своих последних записях он пишет о "границе между сохранением и контролем", о том, что "знание должно быть доступно, но не может быть инструментом власти". Это... напоминает мне первую статью вашего Кодекса.

– "Знание священно. Память вечна. Архивариус хранит, но не судит," – процитировала Лира. – Основополагающий принцип нашей касты.

– Именно, – кивнул Соломон. – И я подозреваю, что эти слова изначально принадлежали Томасу Хрониклу или были вдохновлены его философией. Что касается моих исследований... – он вздохнул, – я начал их из личного интереса, пытаясь узнать больше о своём предке и его работе. Но чем глубже я копал, тем яснее становилось, что история Исхода Земли, которую нам рассказывают, неполна и во многом неверна. И что правда о Протоколе Возрождения может изменить наше понимание не только прошлого, но и самой природы нашей реальности.

Он осторожно поместил кристалл памяти Септимуса в аналитический слот своей лаборатории.

– Теперь, когда вы здесь, и у нас есть эти данные, мы наконец можем получить ответы. Или, по крайней мере, часть из них.

Системы лаборатории ожили, окружая кристалл сеткой сканирующих лучей. На голографическом экране появилась трёхмерная модель внутренней структуры кристалла, с выделенными защищёнными секторами.

– Как я и думал, – сказал Соломон, изучая данные, – биометрическая защита действительно комплексная. Но у меня есть идея, как мы могли бы её обойти.

Он повернулся к архивариусам.

– Вы упоминали о возможности объединения ваших нейронных паттернов. Это рискованно, но может сработать. У меня есть оборудование для такой процедуры – я использую его для исследования древних нейроинтерфейсов. С некоторыми модификациями оно подойдёт для наших целей.

– В чём именно заключаются риски? – спросил Элиас, всё ещё сомневаясь в целесообразности этого подхода.

Соломон задумался.

– Основной риск – временное смешение сознаний, – наконец ответил он. – Во время процедуры ваши нейронные паттерны будут частично синхронизированы, что может привести к обмену воспоминаниями, мыслями, даже аспектами личности. Обычно эффект временный, но... бывали случаи, когда некоторые изменения оставались постоянными.

– Насколько глубоким будет этот обмен? – спросила Лира, явно обеспокоенная, но и заинтригованная.

– Это зависит от множества факторов, – пожал плечами Соломон. – От силы синхронизации, от вашей собственной психической устойчивости, от длительности процедуры. В идеальном случае вы будете воспринимать воспоминания и мысли друг друга как будто через фильтр – осознавая, что они не ваши. В худшем... может произойти временная потеря идентичности, когда вы не сможете различить, какие мысли принадлежат вам, а какие – партнёру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.